

О ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

ВЪ ДѢЛѢ УЛУЧШЕНИЯ

УГОЛОВНАГО ПРАВОСУДІЯ.

А. КИСТЬКОВСКАГО.

(Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св.
Владимира 9-го ноября 1869 г.)

КІЕВЪ.

Въ університетській типографії.

—
4870.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1870 г.

Я избралъ предметомъ моей бесѣды значеніе судебнай реформы, въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія.

Думаю, что этотъ предметъ вполнѣ заслуживаетъ ваше вниманіе. Меня береть только сомнѣніе, въ состояніи-ли я, въ столь короткое время, изобразить избранный мною предметъ съ тѣмъ совершенствомъ и обстоятельностію, которыхъ вы въ правѣ ожидать и которыхъ онъ заслуживаетъ.

I.

Необходимость улучшенія нашего уголовнаго суда давно была признана; въ обществѣ издавна не переставали слышаться жалобы на неправосудіе; правительство, неостававшееся равнодушнымъ къ потребностямъ общества, приступило къ работамъ по преобразованію уголовнаго суда еще въ царствование Императора Николая, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Работы эти были однакожъ прерваны другою рабочою—преобразованіемъ уголовныхъ законовъ материальныхъ, или законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ; правительство держалось того мнѣнія, что раньше исполненія сей работы нельзѧ съ успѣхомъ совершить преобразованіе уголовнаго суда.

За тѣмъ, вслѣдъ за изданіемъ въ 1845 г. Уложенія о нак., въ 1848 г. составленъ быть проектъ уголовнаго судопроизводства,—и въ томъ же году приступлено было къ составленію нового цѣльнаго устава гражданскаго судопроизводства.

Нельзя сказать, чтобы работы, начатыя и веденныя въ прошедшее царствованіе по преобразованію уголовнаго суда, шли особенно усъпѣшно. Двѣ причины имѣли вліяніе на безуспѣшность этихъ работъ: первая причина случайная — это война съ Франціею и Англіею, поглотившая всѣ силы и все вниманіе какъ правительства, такъ и народа; вторая причина болѣе существенная,—это то недовѣріе, которое наше правительство въ прошедшее царствованіе питало къ выработаннымъ европейскими народами началамъ общественности, при помощи которыхъ только и можно было совершиТЬ серьёзное улучшеніе уголовнаго суда.

Императоръ Александръ, съ самаго вступленія своего въ управление имперію, обратилъ вниманіе, въ числѣ другихъ предметовъ, и на недостатки суда; съ первыхъ дней его царствованія, по его инициативѣ, начинается усиленная работа надъ приготовленіемъ проектовъ улучшенного суда. Съ 1857 по 1861 г. во 2-мъ отдѣленіи С. Е. В. К. составлено было 14 проектовъ, касающихся судоустройства и судопроизводства какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго. Хотя эти проекты поступили было на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственного совѣта, хотя часть ихъ была ими разсмотрѣна; но дѣло преобразованія суда не могло совершиться, потому что правительство было занято дѣломъ великой крестьянской реформы, раньше осуществленія которой нельзя было произвести тѣ важныя перемѣны въ устройствѣ суда и въ отправленіи правосудія, которые были необходимы и которые потому дѣйствительно были произведены.

Что безъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости нельзя было совершить преобразованіе нашего правосудія,—въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно совершило,—это сознаво было правительствомъ, и выразилось какъ въ замедленіи работъ судебнаго преобразованія, такъ и въ различіи между работами до крестьянской реформы и работами послѣ ея; въ послѣднихъ работахъ начала судебнаго преобразованія несравненно шире и рациональнѣ тѣхъ, которые положены были въ основаніе работъ до крестьянской реформы.

И это произошло не отъ простой случайности, а отъ того, что съ крѣпостнымъ правомъ тѣсно связано было существованіе помѣщицкой уголовной юстиції, при дѣйствіи которой серьёзныя преобразованія въ области уголовнаго суда были немыслимы или бы оказались бессильюю полумѣрою.

Еще, кажется, такъ недавно, можно сказать на нашихъ глазахъ, совершенна крестьянская реформа: но многимъ-ли известно, какая судебно-уголовная власть принадлежала помѣщикамъ до 19 февраля 1861 года?

Это была власть жестокая, потому что она была обширная и слабо ограниченная. Помѣщикъ имѣлъ право, не отдавая въ томъ никому отчета, подвергать своихъ крестьянъ слѣдующимъ наказаніямъ: могъ наказывать розгами до 40 ударовъ, палками до пятнадцати ударовъ, заключенiemъ подъ арестъ до 2-хъ мѣсяцевъ, отдаюю въ смирительный и рабочій домъ до 3-хъ мѣсяцевъ; и въ арестантскія роты до 6-ти мѣсяцевъ. Кроме того, ему же дана была власть за прорвостные проступки и нетверпимое поведеніе отдавать своихъ крестьянъ въ распоряженіе губернского правленія, которое, не выходя ни въ какое разысканіе о причинахъ негодованія помѣщика, какъ сказано было въ Сводѣ законовъ первой редакціи, отдавало годныхъ, въ рекруты, неспособныхъ же къ военной службѣ ссылало въ Сибирь на поселеніе.

Я не стану рассказывать подробностей этой грозной юстиціи, которой подчинены были 22 мил. русскихъ гражданъ; подробности эти еще въ свѣжей памяти у каждого, а историки будущихъ поколѣній, болѣе насытъ огденныхъ и потому болѣе насытъ безпристрастныхъ, вѣроятно найдутъ въ этой юстиціи много общаго съ юстиціею римскихъ рабовладѣльцевъ и средневѣковыхъ феодаловъ.

Происхожденіе этой юстиціи скрывается въ глубокой старинѣ русской жизни: оно современно съ происхожденіемъ холоповъ, или русскихъ рабовъ, надъ которыми, по свидѣтельству историковъ, господа до 16 в. имѣли почти безконтрольное право жизни и смерти. Нѣсколько позже холопства возникло крѣпостное состояніе. Что помѣщичье право, еще до прикрепленія крестьянъ къ землѣ въ концѣ 16 стотѣгія, было уже крайне обширно, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ уголовной юстиціи, на это мы имѣемъ документальныя доказательства. Въ жалованыхъ грамотахъ, данныхъ начиная отъ 11 до половины 15 в. помѣщикамъ, преимущественно духовнымъ, то-есть монастырямъ, церквамъ и архіерелямъ, предоставлено было имъ и право уголовнаго суда: по древнѣйшимъ грамотамъ право это было полное и неограниченное; за тѣмъ стали исключать изъ помѣщичьей подсудности душегубство, въ концѣ XV и началѣ XVI в. разбой и воровство; въ этомъ послѣднемъ видѣ этого право давалось въ это время и помѣщикамъ

свѣтскимъ. Ограничение помѣщичьей уголовной юстиціи шло вмѣстѣ съ образованіемъ государства, и съ усиленіемъ общегосударственной власти: чакъ уничтоженіе удѣловъ и образованіе сильнаго Московскаго государства, благодаря дѣятельности Иоанна III и IV и царей изъ рода Романовыхъ, такъ реформы Петра совпадаютъ съ сокращеніемъ помѣщичьей уголовной юстиціи. Тѣмъ не менѣе она до 1861 г. была и обширна и мало-контролирована и грозна: посему отмѣна этой власти есть величайшее торжество интересовъ цѣлаго общества надъ интересами частныхъ, есть послѣдній актъ обобщенія государственного, длившагося многія столѣтія.

Въ знаменитомъ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, изданн. въ 1649 г., было сказано: что уложеніе издаётся «съ тѣю цѣлью, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна». Это выраженіе до сихъ поръ даетъ нашимъ ученымъ поводъ утверждать, будто у насъ изстара уголовный судъ былъ ровенъ для всѣхъ. Извѣстный ученый Строевъ, ссылаясь на это выраженіе уложения, съ удивленіемъ указывалъ па то, что русскими еще въ 1649 г., гораздо раньше другихъ народовъ, усвоена идея равно-справедливаго суда для всѣхъ, тогда какъ, по его словамъ, идею французы провозгласили только въ 1795 году какъ пѣчто новое, ими открытое¹⁾). Это наивное мнѣніе можно было бы пройти молчаниемъ, еслибы оно въ иной формѣ и въ此刻 настоящес время не повторялось нашими мыслителями. Въ этомъ случаѣ наши мыслители ошибаются, принимая на вѣру слова и упуская изъ виду помѣщичью уголовную юстицію. Въ самомъ дѣлѣ, возможныи были судъ и расправа равный для всѣхъ, когда почти цѣлая треть

1) »Проявленіе сей высовой идеи, говорить Строевъ, въ пачемъ уложеніи 1649 г. тѣмъ изумительнѣе, что она въ то время была несовершенно развита въ просвѣщенной Европѣ. Вспомнимъ, что французы въ 1795 г. провозглашали о ней, какъ объ истинѣ новой, ими открытої; что только императрица Екатерина опредѣлила ее въ Россіи, И когда такъ много толковали о семъ предметѣ, стараясь усвоить законодательству, тогда иностранные законовѣдцы и не подозревали, что идея гражданского равенства, уже была душою уложенія такого народа, который былъ или известенъ только по описаніямъ и сопрѣниамъ, неполнымъ и почили баснословными, который почитался неизвестною толпою варваровъ грубыхъ и дикихъ« Несторико-Фридрич. изслѣд. уложенія, стр. 36—37.

русскихъ гражданъ подлежала домашней юстиці, отправлявшейся безъ всякихъ формъ судопроизводства, безъашеяющію и безконтрольно. Равный судъ и расправа для всѣхъ русскихъ гражданъ начались только съ отмѣною въ 1861 г. помѣщичьей власти. Вотъ почему только съ отмѣною этой власти явилась возможность совершить преобразованіе суда на началахъ равенства, милости и правды, на началахъ раньше пачь выработанныхъ народами, увѣданными дающими по пути цивилизациі.

Въ 1861 г., вскорѣ послѣ изданія положенія объ освобожденіи крестьянъ, Императоръ снова обратилъ особенное вниманіе на законодательныя работы по преобразованію судебнай части. Убѣдившись изъ доставленныхъ ему свѣдѣній, что работы ведутся безъ выясненія и определенія тѣхъ главныхъ началъ, на основаніи которыхъ должно было быть построено все преобразованіе судебнай части, онъ призвалъ необходимымъ прежде всего установить эти *главные основныя начала*.

Плодомъ этой мысли, надъ осуществлениемъ которой трудились лучшіе законовѣды сената и 2-го отдѣленія, въ сентябрѣ 1862 г. явилась «Основы положенія преобразованія судебнай части въ Россіи», разсмотрѣнныя въ государственномъ совѣтѣ и утвержденныя Императоромъ.

Тогда же Государемъ Императоромъ издано было повелѣніе объ образованіи особой комиссіи, которая бы, руководствуясь основными положеніями, составила полные проекты уставовъ судоустройства и судопроизводства, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго. Работу эту выполнила комиссія, которая, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ государственного секретаря, составлена была изъ законовѣдовъ сената, 2-го отдѣленія и министерства юстиціи и разделена была на три отдѣленія. Составленные этими комиссіями проекты были внесены въ государственный совѣтъ, которымъ они разсмотрѣны и исправлены въ теченіи 1864 г. и за тѣмъ 20 ноября 1864 г. утверждены Государемъ Императоромъ. Изданіемъ судебныхъ уставовъ совершена была первая половина судебнай реформы: эту работу можно сравнить съ созданиемъ архитектурного плана и фасада зданія, которое предстояло еще построить.

Осуществленіе на дѣлѣ судебныхъ уставовъ началось съ изданіемъ положенія 19 ноября 1865 г. о введеніи въ дѣйствіе сихъ уставовъ. На основаніи сего положенія опредѣлено было ввести судебные уставы, въ полномъ ихъ объемѣ, въ гѣченіи 1865 г. въ округахъ С.-петер-

бургскомъ, обнимающимъ 3 губ., и въ округѣ Московскомъ, обнимающемъ 7 губ., и въ течениі 4 лѣтъ, начиная съ 1866 г. во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, и въ Бессарабской области. Въ тѣмъ судебные уставы введены: по закону 10 января 1867 г. въ Харьковскомъ судебномъ округѣ, обнимающемъ 4 губерніи цѣлымъ и нѣсколько уѣздовъ двухъ інныхъ губерній; по закону 1868 г. іюня 30 для въ Одесскомъ судебномъ округѣ, въ составѣ которого вошли 3 губ., и въ губ. Полтавской, причисленной къ Харьковскому судебному округу, и въ Нижегородской губ. отнесенной къ Московскому округу; по закону 1869 г. въ Бессарабской области, причисленной къ Одесскому судебному округу. Кроме того по особому закону 1866 г. новыя судебныя установления въ измѣненномъ видѣ введены на Кавказѣ, и по закону 1868 г. одни мировыя учреждения въ 11 губерніяхъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ настоящее время новые суды въполномъ ихъ составѣ образованы и дѣйствуютъ въ 20 губерн. и въ нѣсколькихъ уѣздахъ Тамбовской губ., па Кавказѣ, и мировые суды въ 12 губерн.

Приступаю за тѣмъ къ изложению главныхъ положеній, на которыхъ зиждется судебное преобразованіе.

ІІ.

Въ настоящее время отдѣленіе суда отъ администраціи и несмѣняемость судей административнымъ порядкомъ составляютъ у всѣхъ благоустроенныхъ народовъ одно изъ существенныхъ оснований безпристрастія уголовного правосудія. Судь, въ дѣятельность которого вмѣшивается администрація, и который находится подъ ея вліяніемъ, или въ прямой ея зависимости, есть только слабое подражаніе суда. Не говоря уже объ обширной категоріи судебнно уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ граждане сталкиваются съ служителями власти, даже решения по обыкновеннымъ дѣламъ бывають далеки отъ справедливости, если уголовный судъ не пользуется самостоятельнымъ и независимымъ положеніемъ. Только тотъ судья можетъ быть вѣцателемъ истины и правды, который не поставленъ въ необходимости, при решеніи дѣлъ, принимать въ соображеніе мнѣніе людей сильныхъ и влиятельныхъ, и который, следуя требованиямъ одного разума и общественной совѣсти, можетъ быть

¹⁾ Къ числу этихъ губерній теперь отнесена и двѣнадцатая, Олонецкая.

покоенъ за свое положеніе и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человека. Не должно, однакожъ, преувеличивать право судей на независимость; не должно себѣ представлять ихъ не подлежащими законной ответственности; контролю и обыкновенному суду. Судиѣ должны быть независимы отъ произвола власти, но тѣмъ боѣе они должны подчиняться велѣніямъ закона. Словомъ, независимость судей слѣдуетъ принимать въ смыслѣ независимости отъ всѣхъ, временныхъ, частныхъ и корыстныхъ влияній, съ какой бы стороны они ни происходили. Но чѣмъ независимѣе долженъ быть поставленъ судя въ средѣ правительственной организаціи, тѣмъ усерднѣйшимъ онъ долженъ быть слугою закона, тѣмъ въ большей зависимости онъ долженъ находиться отъ суда общественнаго мнѣнія. Судя долженъ быть глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что добroe имя его зависитъ отъ признанной обществомъ справедливости его приговоровъ, — и его позоръ отъ сложившагося въ обществѣ мнѣнія насчетъ его неправосудія, тупости, крючкотворства и продажности. Съ другой стороны, только въ томъ государствѣ несмѣняемость и независимость судей имѣеть свой смыслъ, въ которомъ общество развито на столько, что оно въ состояніи зорко слѣдить за дѣятельностью своихъ судей, обсуждать ихъ приговоры и произносить строгую и справедливую критику надъ ихъ ошибками, и злоупотребленіями, если таковыя существуютъ. Только въ томъ государствѣ несмѣняемость и независимость судей можетъ принести полезные плоды, въ которомъ общество имѣетъ право голоса, привыкло къ свободѣ мысли и владѣеть могучимъ органамъ печатнаго слова. Сдѣлать судей независимыми и самостоятельными и не дать голоса и свободы печати обществу, — это бы равнялось узаконенію высочайшаго произвола и неправосудія судей. Вотъ почему странно было-бы давать судьямъ право несмѣняемости, и оставить суды закрытыми; вотъ почему, независимость судей съ одной стороны означаетъ зависимость ихъ съ другой. Конечно, говоря объ общественномъ мнѣніи, суду какого-должна подчиняться дѣятельность судьи, я не разумѣю минутнаго настроенія; или мнѣнія, сложившагося вслѣдствіе неопределенныхъ слуховъ, пущенныхъ ловкою интригою, или презрѣніемъ мнѣніемъ лица недовольнаго решениемъ судьи; пѣтъ, подъ общественнымъ мнѣніемъ я разумѣю тотъ приговоръ общества, который слагается послѣ спокойнаго и всесторонняго обсужденія поступковъ судьи, послѣ выслушанія благоразумныхъ людей и публичнаго обсужденія фактовъ сюда относящихся;

Въ нашемъ отечествѣ дѣло отдѣлія уголовнаго суда отъ администраціи есть дѣло вѣковой исторической жизни народа. Въ первый періодъ существованія русскаго государства, въ періодъ удѣловъ, уголовныи судомъ завѣдывали отчасти самы князья, а главнымъ образомъ княжескіе тіуны, намѣстники и волостели съ своими тіунами. Эти слуги и чиновники князя завѣдывали уголовныи судомъ вмѣстѣ съ другими отраслями управленія. Но вліяніе ихъ въ сильной степени умѣрялось широкимъ участіемъ народа въ отправленіи уголовнаго правосудія. Съ образованіемъ сильнаго Московскаго государства, при Ioаннѣ IV, учреждены были губные старости, которыми порученъ уголовный судъ сначала надѣ вѣдомыми разбойниками, потомъ надъ убийцами и ворами. Тогда основаъ былъ Розбийный Приказъ, какъ центральный уголовный судъ по указаніямъ преступленіямъ. Это была первая, хотя и не совершенная попытка, отдѣленія суда отъ администраціи. Я говорю не совершенная, потому что во-первыхъ губные старости не вездѣ были учреждены, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намѣстники и замѣнившіе ихъ мѣсто воеводы имѣли въ своихъ рукахъ полный уголовный судъ; во-вторыхъ потому что, и въ мѣстахъ учрежденія губныхъ старостъ, намѣстники и воеводы оставались судьями по другимъ уголовнымъ преступленіямъ; въ-третьихъ потому что самыи губныи старосты поручалось, кроме уголовнаго суда, завѣданіе разными отраслями управленія. Въ концѣ XVII стол. уголовная юстиція надѣ разбоемъ, душегубствомъ и воровствомъ переходила то въ руки воеводъ, вполнѣ застутившихъ мѣсто намѣстниковъ, то опять вручаема была губнымъ старостамъ, пока наконецъ послѣдніе не были совершенно уничтожены въ 1702 году. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII и особенно въ началѣ XVIII в. весь уголовный судъ опять сосредоточенъ былъ въ рукахъ администраціи. Петъ I-й ясно сознавалъ вредъ такого соединенія и потому начерталъ широкій планъ отдѣленія суда отъ администраціи. Опѣ учредилъ магистраты. Онъ намѣренъ былъ учредить во всѣхъ губерніяхъ высшіе и низшие суды, по образцу шведскихъ. Дѣйствительно, во многихъ городахъ учреждены были надворные суды, а въ губерніяхъ ландрихтеры. Но по смерти Петра I-го все эти суды, за исключениемъ магистратовъ, были упразднены и въ 1728 г. уголовный судъ опять отданъ былъ въ завѣданіе губернаторовъ и провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ. Это время есть время наибольшаго сосредоточенія уголовнаго суда въ рукахъ администраціи: по мѣрѣ того какъ уголовный судъ утрачивалъ

обвинительную форму и дѣлался инквизиціоннымъ, по мѣрѣ того какъ участіе народа въ отправленіи уго овнаго правосудія уменьшалось, возврашало вліяніе администраціи на уголовный судъ. Въ такомъ положеніи уголовный судъ находится до 1775 г. т. е. до изданія учрежденія о губерніяхъ. Съ введеніемъ этого учрежденія, уголовный судъ порученъ былъ отдѣльнымъ отъ администраціи судебнымъ мѣстамъ, состоящимъ изъ слѣдующихъ инстанцій: первая инстанція: нижне земской судъ; уѣздный судъ для суда надъ дворянами, городовой магистратъ для суда надъ купцами, нижняя расправа для суда надъ однодворцами и крестьянами; вторая инстанція: верхне-земской судъ, губернскій магистратъ и верхняя расправа для суда лицъ, подчиненныхъ имъ сословій; третья инстанція: уголовная палата для суда надъ всѣми состоявіями, и четвертая инстанція: сенатъ для уголовнаго суда тоже надъ лицами всѣхъ сословій.

Введенное учрежденіемъ о губерніяхъ отдѣленіе суда отъ администраціи въ главныхъ чертахъ оставалось до новыхъ судебныхъ преобразованій. Но такъ какъ это раздѣленіе, несмотря на его важное значеніе относительно прошедшаго, было только полумѣрою и раздѣленіемъ неполнымъ, то и его недостатки сохранились до указанного вр мени.

Итакъ, и послѣ преобразованія, произведенаго учрежденіемъ о губерніяхъ, администрація не перестала, хотя въ меньшей мѣрѣ противъ прежняго, принимать участіе въ отправленіи уголовнаго правосудія, и вліяніе ея какъ на отправленіе уголовнаго суда, такъ и на самыхъ судей было до послѣднихъ дней очень велико. Предварительное слѣдствіе, дѣло чисто судебнное, до учрежденія слѣдователей, было дѣломъ полиціи, которая дѣйствовала на правахъ учрежденія, независимаго отъ суда, подъ надзоромъ губернатора и губернскаго правленія, а въ центрѣ зависѣла отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Полиціи принадлежалъ судъ по маловажнымъ проступкамъ, совершаемыхъ лицами преимущественно низшихъ классовъ общества. Приговоры уѣзднаго суда по иѣкоторымъ преступленіямъ и приговоры уголовныхъ палатъ по преступленіямъ, влекущимъ лишеніе или ограниченіе правъ, подлежали утвержденію губернатора. Суды первой степени—уѣздные суды, магистраты или ратуши, и падворные суды, подлежали ревизіи и надзору губернатора и губернскаго правленія, которое не только имѣло право налагать на нихъ собственою властью дисциплинарныя взысканія, но и передавать ихъ уголовному суду. Хотя предсѣдатели и члены этихъ

судовъ опредѣлялись по выбору, но утверждение выборовъ зависѣло отъ высшей губернскай администрациї. Они были въ полной зависимости отъ губернаторовъ что касаєтъ чиновъ и наградъ. По табе и о рангахъ, имѣющей до послѣдняго времени такое громадное значеніе въ самомъ обществѣ, они занимали до того низменныя ступени въ средѣ служащаго сословія. Даже канцелярія губернскихъ административныхъ учрежденій имѣли вліяніе на судьбу судей первой инстанціи; чины этихъ канцелярій, считая себя губернскими чинами, съ высока смотрѣли на сихъ служителей правосудія. Одинъ возвышенныхъ правиль и отличнаго образованія юриста-практика говорилъ мнѣ, что избранный уѣзднымъ судьею, онъ въ теченіи года получитъ шесть замѣчаній отъ губернскаго правленія. По принятому обычаю онъ долженъ былъ явиться на поклонъ, но онъ призналъ болѣе умѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ оставить должность. Выше судовъ первой степени стояли уголовныя палаты и совѣтные суды. Но они бы и также въ зависимости и потому стояли ниже губернскай административной власти, которая на утверждение предсѣдателей сихъ мѣстъ имѣла вліяніе, а членовъ сама утверждала, отъ которой въ большей или меньшей степени зависѣло представление ихъ къ чинамъ и наградамъ и которая имѣла право ревизіи дѣлопроизводства сихъ судебныхъ учрежденій.

Въ дѣлѣ независимости судовъ важно не только то, чтобы администрація не имѣла вмѣшательства въ отправленіе правосудія, но и чтобы сами суды имѣли только одно назначеніе судить, и устраниены были отъ вмѣшательства въ дѣла административныя. Между тѣмъ, наши суды, отправлявшіе уголовный судъ, несли на себѣ разныя административныя обязанности. Такъ предсѣдатели палатъ засѣдали въ комитетахъ рекрутскому земскихъ повинностяхъ и тюремномъ. Засѣдатели совѣтныхъ судовъ (по одному отъ каждого сословія) присутствовали въ приказахъ общественныхъ агрозѣній. На уѣздный судъ возложены были вѣкоторыя обязанности по полицейскому и хозяйственному управлению, какъ-то: приводъ къ присягѣ всѣхъ состояній, продажа съ публичныхъ торговъ свидѣтельствъ уѣздиаго казначейства. Уѣздный судья, кромѣ обязанности судейской несъ еще и слѣдующія: предсѣдательство въ комиссіяхъ, составляемыхъ для оцѣнки въ уѣздахъ недвижимыхъ имуществъ, отходящихъ для государственного или общественнаго употребленія; предсѣдательство въ ревизской комиссіи, въ уѣздной дорожной комиссіи, въ рекрутскихъ присутствіяхъ; участіе въ комитетѣ земскихъ

повинностей; общественного здравія и тюремномъ. Магистраты и ратуши въ среднихъ городахъ и посадахъ, кроме судныхъ дѣлъ, завѣдывали дѣлами общественными и хозяйственными. Вследствіе такого вмѣшательства суда въ дѣла администраціи и въ лінія административной власти какъ на отправление уголовного правосудія, такъ и на лицъ, его отправляющихъ, старый, уголовный судъ нашъ лишенъ былъ одного изъ тѣхъ качествъ, которыхъ необходимы для того, чтобы онъ былъ судъ правый и для всѣхъ безпристрастный.

Чтобы дать понятіе о независимости нашихъ новыхъ судовъ, я предварительно укажу на тѣ виды судебной независимости, которые существуютъ у другихъ народовъ. Это намъ разъяснить характеръ независимости и нашихъ новыхъ уголовныхъ судовъ.

Существуютъ два главныхъ вида независимости: англо-американской и французской. Первый видъ состоитъ въ сущдующемъ: суды совершенно отдѣлены отъ администраціи, суды не подчинены не только администраціи вообще, но и не состоять въ зависимости крѣпко организованного министерства юстиціи; получая очень хорошее жалованье, размѣръ которого для всѣхъ одинаковый, или почти одинаковый, суды не поставлены въ необходимость искать расположенія должностнаго лица, отъ которого зависитъ опредѣленіе на мѣсто съ высшимъ окладомъ; отъ должности они могутъ быть удалены не иначе, какъ по суду; они суть единственные судьи, которые безъ вмѣшательства посторонней власти, являются судьями не только тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны простые граждане, но и тѣхъ, въ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ являются представители власти по преступленіямъ должности. Они суть единственные судьи и потому, что помимо ихъ никто не можетъ быть наказанъ. Изъ этого обозрѣнія видно, что англо-американские суды занимаютъ самое независимое положеніе въ общественной организаціи. Въ замѣнъ такой личной и служебной независимости, какая предоставлена судьямъ, англійское и сѣверо-американское общество пользуются, съ своей стороны, ни отъ кого независимымъ правомъ надзора за дѣятельностью судей, правомъ свободной критики ихъ дѣйствій, решеній и ошибокъ; этимъ путемъ общества эти достигаютъ того, что суды ихъ являются выразителями общественной совѣсти.

Другой видъ независимости правосудія выработанъ во Франціи и болѣе или менѣе свойственъ континентальной Европѣ. Здѣсь также какъ и въ Англіи судебное вѣдомство отдѣлено отъ администраціи, и судья, въ отправлениіи своей должности, не зависитъ отъ чьихъ бы то ни

было прямыхъ приказаний; здѣсь также, какъ и въ Англіи, судья не смеяется по произволу административной власти, а устраивается отъ должности только по суду. Но во Франціи существуетъ крѣпко организованная и дисциплинированная прокуратура, въ главѣ которой стоитъ министръ юстиціи; эта-то прокуратура имѣеть надзоръ за судьями и нерѣдко направляетъ его не столько въ видахъ юстиціи, сколько въ видахъ политики. Такъ какъ судейскій персональ многочисленъ, а іерархическая лѣстница мѣстъ длинна, и разница между окладами низшихъ мѣстъ и окладами высшихъ велика; то у судей является естественное стремленіе занять расположение того должностнаго лица, отъ которого зависитъ назначеніе на высшее мѣсто. Кроме того, во Франціи суды не единственны судьи, потому что они, по жалобѣ частныхъ лицъ, не могутъ судить должностныхъ лицъ въ преступленіяхъ должности, если не последуетъ разрѣшеніе высшаго административнаго учрежденія, государственного совѣта. Не слѣдуетъ также забывать и того, что во Франціи часто повторяется учрежденіе экстраординарныхъ судовъ, что тамъ еще не отмѣнены знаменитые законы 58 года объ общественной безопасности, по которымъ администраціи предоставлено право ссылать безъ суда нѣкоторыхъ лицъ¹⁾). Все это само-собою подрываетъ авторитетъ власти судовъ и уменьшаетъ значеніе ихъ независимости. Въ тоже время французское общество, не пользуясь полной свободою печати, лишенное права широкаго самоуправленія и не превыкшее къ нему, не въ состояніи быть тѣмъ зоркимъ, строгимъ и дѣятельнымъ контролѣромъ, какимъ ему свойственно быть для содѣйствія совершенству самого правосудія. Нельзя при этомъ не замѣтить, что при такомъ положеніи правосудія, между нимъ и общественною совѣстю французской націи существуетъ по изкоторымъ пулкамъ разладъ.

Независимость нашего новаго уголовнаго суда приближается болѣеъ только что изложенному второму виду. Кроме отдѣленія суда отъ администраціи, судьи наши пользуются нѣкоторыми правами, которыя даютъ имъ известнаго рода независимость: такъ они не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переведимы изъ однай мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Временное устраненіе ихъ отъ должностей допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду, а совершишому удалению, или отрѣшенію отъ должности, они подвергаются не иначе,

---

¹⁾) Въ настоящее время этотъ законъ отмѣненъ.

какъ по приговорамъ уголовнаго суда. За нарушение служебныхъ обязанностей, они могутъ быть подвергнуты взысканию только по определению суда, и самое взысканіе это можетъ состоять въ одномъ только предостереженіи: Право же дѣлать предостереженіе или замѣчаніе какому-либо судебному мѣсту въ цѣломъ составъ и и въ составъ присутствія принадлежитъ исключительно касационнымъ департаментамъ правительствующаго сената. Разница громадная съ тѣмъ старымъ порядкомъ, который давалъ губернскому правленію право налагать взысканія собственюю властію на нѣкоторые изъ нашихъ судовъ Для того, чтобы удержать судей на высотѣ ихъ независимаго положенія, законодатель хотѣлъ, чтобы удостоеніе ихъ наградами зависѣло единственно отъ усмотрѣнія Государя Императора. Очевидно, впрочемъ, что это правило только прекрасный законъ, который на дѣлѣ едва ли выполнимъ: Государю нѣтъ физической возможности лично знать такой огромный личный составъ судей; и на дѣлѣ награды для судей, хотя будутъ исходить отъ Императора, но по усмотрѣнію и представленію министра. Слѣдовательно, желаніе законодателя изѣять судей отъ зависимости министра юстиціи въ дѣлѣ раздачи наградъ, и поставить ихъ въ этомъ случаѣ въ прямую зависимость отъ Императора, есть желаніе на дѣлѣ едва ли осуществимое. Такъ какъ по старому закону, и по вкоренившемуся взгляду общества, воспитанного на табели о рангахъ, достоинство должности и должностнаго лица тѣсно связало было съ чиномъ, заслонявшимъ внутреннія качества и должности и должностнаго лица; такъ различіе чиновъ служило до сихъ поръ фундаментомъ іерархического положенія въ обществѣ и въ нѣкоторой степени источникомъ зависимости: то законодатель, имѣя это въ виду, хотѣлъ повысить званіе новыхъ судей во-первыхъ общими уравненіемъ ихъ въ рангахъ и недопущеніемъ между ними множества степеней, во вторыхъ уничтоженіемъ соотвѣтствія между должностію судьи и чиномъ. Этимъ законодатель хотѣлъ отчасти сдѣлать почтенныи званіе судей не по рангу, занимаемому судьею, а по высокой важности самыхъ обязанностей, который на него возложены. Само-собою разумѣется, что не останется безъ вліянія на возвышение достоинства судебнаго званія. Стоить только сравнить то низменное положеніе, и па ступеняхъ чиновной іерархіи и въ общественномъ мнѣніи, какое занимали нѣкоторые изъ нашихъ старыхъ судей, какъ наир члены магистратовъ, или члены отъ посетянъ въ уѣздныхъ судахъ, съ возвышенныи по долже-

нісмъ напр. мировыхъ судей, коимъ подсудны дѣла меньшей важности, чтобы видѣть, какой важный шагъ впередъ сдѣланъ судебною реформою въ дѣлѣ независимости и возвышенія судейского званія. Впрочемъ, было-бы крайне опрометчиво думать, что вліяніе табелк о рангахъ вовсе устранило отъ нового судейского сословія: пока будетъ существовать общая табель о рангахъ, этого достигнуть невозможно. Не слѣдуетъ также забывать и различія существующаго въ окладахъ судейскихъ мѣстъ; хотя это различіе не столь велико, какъ напр. во Франціи, хотя и пизшій окладъ, окладъ судебныхъ следователей, правда очень скромный, нельзя назвать скучнымъ; тѣмъ не менѣе желаніе получить высшій окладъ всегда будетъ служить источникомъ зависимости судей отъ власти, которая владѣеть правомъ повышенія. Есть, правда, въ судебныхъ уставахъ нѣсколько постановлений, примѣненіе которыхъ можетъ противодѣйствовать этому: это во-первыхъ, правила о срокахъ выслуги въ извѣстной должности для того, чтобы получить высшее мысто; а во-вторыхъ—и это главное—правило, предоставляющее окружнымъ судамъ и судебнамъ палатамъ право самимъ выбирать на открывшуюся вакансію своихъ членовъ. Къ сожалѣнію, примѣненіе или осуществленіе этого прекрасного правила парализовано правомъ министра юстиціи, который вмѣстѣ съ выбраннымъ кандидатомъ можетъ представить на утвержденіе Императора и своего по собственному усмотрѣнію. Что касается объема власти нашихъ судовъ, то въ этомъ отношеніи наши судьи, подобно французскимъ, не суть единственныи судьи. Такъ, во-первыхъ, наши новые судьи могутъ судить должностныхъ лицъ административного вѣдомства по преступленіямъ должности преимущественно только подъ тѣмъ условиемъ, если эти лица будутъ преданы суду своимъ начальствомъ. Во-вторыхъ, и при существованіи новыхъ судовъ, полицейскія и другія административныи власти могутъ, по своему усмотрѣнію, безъ суда, принимать въ видахъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, разныя мѣры, такъ напримѣръ: заключать въ тюрьму, ссылать въ отдаленныи губерніи, словомъ подвергать наказанію и дѣйствовать на правахъ суда. При такомъ положеніи можетъ быть даже такъ: того, котораго судъ оправдалъ, полицейскія или административныи власти могутъ выслать въ отдаленную губернію.

III.

До сихъ поръ выборная система въ организациіи судовъ двухъ первыхъ инстанцій была преобладающею, а правительственное назна-

ченіе являлось только дополнениемъ. По новымъ судебнымъ уставамъ, выборное начало оставлено только для назначенія судей: мировыхъ, которые решаютъ уголовныя дѣла, меньшей важности; суды же, предназначенные для решения дѣлъ болѣе важныхъ, какъ-то окружные суды, судебные палаты, касационные департаменты сената, состоять изъ судей по назначению правительства.

Исторія нашего судоустройства представляють колебаніе между назначеніемъ судей по выбору и назначеніемъ отъ правительства: и частую смѣну одного начала другимъ. Въ періодъ удѣловъ уголовными судьями были намѣстники и волостели, которые были опредѣляемы князьями. Когда, съ паденіемъ удѣловъ, сложилось Московское государство, въ XVI в. для суда надъ важнѣйшими преступленіями, какъ-то: душегубствомъ, учреждены были особые суды, подъ названіемъ пубныхъ старостъ, которые были выбираемы всѣми состояніями изъ дворянъ. Въ пѣкоторыхъ мѣстахъ тогда же были учреждены земскіе, или излюбленные суды, судившіе рѣдко важныя, большою же частію маловажныя уголовныя дѣла. Но многіе изъ маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ и въ это время были подсудны сначала намѣстникамъ, а потомъ замѣнившимъ ихъ воеводамъ, слѣдовательно должностнымъ лицамъ, назначеннымъ правительствомъ. Къ концу XVII и началу XVIII в. когда губные старости начинаютъ исчезать, судьи, назначаемые правительствомъ, берутъ перевѣсъ въ лицъ воеводъ и губернаторовъ. Петръ I-й嘗тался снова ввести судей по выбору, но дѣятельность его въ этомъ случаѣ не шла дальше попытокъ. Въ половинѣ XVIII в. весь уголовный судъ перешелъ въ руки губернаторовъ и воеводъ, слѣдовательно лицъ назначенныхъ правительствомъ. Екатерина II совершиенно преобразовала систему назначенія судей: пропытканная идеями современныхъ ей европейскихъ мыслителей, она дала самое широкое развитіе выборному началу въ устройствѣ судовъ. Высказавши въ своемъ паказѣ основанное положеніе, почерпнутое у Бажаріп (Нак. 1787 г. ст 1257), что для водворенія правосудія необходимо, чтобы въ чистѣ судей быти лица одного званія и одного сословія съ подсудимымъ, она въ учрежденіи о губерніяхъ осуществила эту мысль въ широкихъ размѣрахъ. Каждое изъ трехъ сословій: дворянское, городское, и сельское, получило двѣ инстанціи уголовнаго суда, состоявшія главнымъ образомъ изъ выборныхъ членовъ.

Императоръ Павелъ I-й, противникъ идей Екатерины, отмѣнилъ выборное начало, но это продолжалось не долго. Императоръ Александръ

возстановилъ его. Въ послѣдствіи выборное начало примѣнено было даже къ замѣщенію должности предсѣдателя и членовъ уголовной палаты, которыя, по учрежденію Екатерины, замѣщались правительствомъ.

Между публицистами и учеными есть сторонники того мнѣнія, что каждый судья, будетъ-ли онъ назначенъ судиго и решать дѣла большія, или мелкія, долженъ быть выбранъ самимъ народомъ. Каза-лось-бы, что можетъ быть возвышенѣе и справедливѣе этой теоріи: кто, повидимому, лучшій оцѣнщикъ качествъ кандидата въ судьи, какъ не народъ, среди котораго онъ живетъ и действуетъ; кто болѣе и за-душевнѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы место судьи занималъ человѣкъ самый правдивый, самый неподкупный, какъ не тѣ, которые имѣютъ дѣло съ судомъ въ качествѣ подсудимыхъ и тяжущихъся. Однакоожъ, историческій опытъ народовъ не подтверждаетъ этихъ ожиданій. Въ концѣ XVIII ст. во Франціи выборные суды своею дѣятельностью подорвали вѣру въ выборное начало, явившись орудіемъ тѣхъ же необузданыхъ страстей и средневѣковой жестокости, которыми дышало и страстно настроенное общество. Россія почти въ теченіи вѣка имѣла суды, составленные изъ выборныхъ людей, и эти выборные суды не отличались ни безкорыстiemъ, ни умѣніемъ отправлять судъ иправый. Наши выборные суды отъ купечества и поселянъ въ качествѣ членовъ магистратовъ и уѣздныхъ судовъ играли жалкую роль въ рукахъ представителей приказанаго начала—секретарей и столонаучальниковъ, которые, не по своей, конечно, честности, а по своему званію формъ дѣлопроизводства и по некоторому знакомству съ сводомъ законовъ, господствовали въ судахъ. Наши выборные суды изъ дворянъ въ качествѣ предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ судовъ и палатъ рѣдко обладали даже званіемъ законовъ и формъ дѣлопроизводства, и потому тоже находились подъ влияніемъ канцелярій; если же они принадлежали къ числу свѣдущихъ и дѣятельныхъ членовъ, то они были не земскими судьями, а представителями чистого приказанаго начала, проникнутыми тѣми же привычками, какъ ихъ канцелярія.

Спора нѣтъ, выборное начало въ организаціи судовъ можетъ быть примѣнено съ величайшою пользою. Но для этого необходимы известныя условія, которыя не могутъ быть созданы закономъ, а должны быть присущи самому обществу. Необходимо высокое умственное развитіе народа, въ средѣ котораго должно быть достаточное количество людей, съ одной стороны способныхъ отправлять судебную обязанность,

съ другой—наблюдать и контролировать несущихъ ее. Нужно, чтобы масса народа, привыкшая, вслѣдствіе участія въ земскихъ дѣлахъ, къ самоуправлению, была столь высоко политически развита, чтобы она сознательно, а не инстинктивно понимала свои потребности, и была въ состояніи выбирать только такихъ людей, которые дѣйствительно достойны своего призванія. Для этого общественный строй долженъ быть таковъ, чтобы и самъ выбранный, будучи тѣсно связанъ съ обществомъ, дорожилъ его одобрениемъ и считалъ несчастиемъ его порицаніе; а это возможно только при отсутствіи сословныхъ отношеній, предразсудковъ и предубѣжденій, при полномъ равенствѣ политическомъ и хоть какомъ-нибудь равенствѣ умственномъ. Вотъ почему избирательная система въ дѣлѣ организаціи судовъ такъ у мѣста въ сѣверо-американскихъ штатахъ: народъ, жизнь которого въ состояніи была изъ молодаго дровосѣка Линкольна—выработать замѣчательнаго президента республики, можетъ съ пользой примѣнить выборное начало къ замѣщению судей. По отсутствію, или по недостаточности развитія этихъ качествъ у народовъ Европы, здесь до сихъ поръ не могла привиться эта система.

Я уже сказалъ, что наши выборные суды до сихъ поръ были меньше всего служителями земскаго правосудія. Причина сего заключалась въ томъ, что хотя выборное начало есть стародавнее явленіе жизни русскаго народа, но со временеми образованія Московскаго государства оно утратило свой самостоятельный характеръ и сдѣжалось только орудіемъ и подчиненнымъ элементомъ въ рукахъ приказнаго начала. А съ XVIII в., со временеми реформъ Петра, а еще болѣе со временеми Екатерины II, довершившей образованіе сословій, выборное начало, будучи раздѣлено по сословіямъ, потеряло совершенно земскій характеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и народное значеніе.

Вслѣдствіе того, что до сихъ поръ общество не въ состояніи было, пользуясь выборною системою, создать изъ среды себя правдивыхъ судей, законодатель спошь взялъ на себя заботу изыскать лучшіе способы организаціи суда: для сего опъ, во-первыхъ, сократилъ выборное начало, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ другую организацію, во-вторыхъ, предоставилъ исполнительной власти право опредѣлять судей, давъ ей въ руководство известныя правила. Существенное преобразованіе выборнаго начала, примѣняемаго къ назначенію мировыхъ судей, состоится въ томъ, что нынѣ выборы совершаются не по сословіямъ, а цѣльмъ земствомъ

кромъ того, тогда какъ по прежнему порядку для того, чтобы быть выбраннымъ въ судьи, не требовалось ни образованіе, ни практика, ни имущественный цензъ, нынѣ въ большей или меньшей степени это необходимо. Что касается замѣщенія судейскихъ мѣстъ по назначенію отъ правительства, то въ этомъ отношеніи окружные суды, судебныя палаты, коимъ подсудны дѣла большей важности, т. е. дѣла по преступленіямъ, влекущимъ наказанія свыше года тюремнаго заключенія, состоять изъ членовъ по назначенію отъ правительства. Конечно само по себѣ это преобразованіе не имѣло бы еще значенія. Сила и смыслъ его заключается въ томъ, что законъ позволяетъ назначать на должности предсѣдателей, товарищѣй предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей, лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, обѣ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, или же лицъ, доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебнѣй части. Законъ сей долженъ особенно способствовать улучшению правосудія. До сихъ поръ у насъ для того, чтобы быть судьей, не требовалось никакихъ специальныхъ знаній; даже высшее судебнѣе мѣсто имперіи, судебнѣе департаменты сената, состояло большую частью изъ лицъ, прошедшіхъ административную или военную карьеру. Бывшій ротный командиръ дѣжался уѣзднымъ судьею, членомъ или предсѣдателемъ палаты; директоръ, завѣдавшій какою-нибудь административною частію, боевой генераль, становился членомъ высшаго суда въ имперіи, сената. Нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что въ нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ судахъ, пе исключая и сената, имѣли большое вліяніе секретари и столонаачальники; знаніе и опытность доставляли имъ решительное вліяніе, а иногда и господство въ судахъ. Остроумное изреченіе одного политического дѣятеля XVIII в., что Россія управляется секретарями, какъ нельзя болѣе можетъ быть примѣнено и къ нашему старому суду. Надъ нашими старыми судьями секретари имѣли некоторымъ образомъ опеку по закону, который повелѣвалъ, чтобы они указывали судьямъ приличные запоы и ручались, что другихъ, приличныхъ къ дѣлу, нѣть. На секретарей же возложена была обязанность указывать членамъ суда на отступленія ихъ во время судебнѣй отъ законовъ.

Законодатель, имѣя это въ виду, поставилъ непремѣнныи условіемъ званія новаго судьи если не специальное юридическое образованіе, то во

всякомъ случаѣ юридическую практику, и вмѣстѣ съ тѣмъ возложилъ на членовъ суда многія изъ обязанностей, напримѣръ докладъ дѣлъ, которыхъ до сихъ поръ несли дѣлопроизводители, и сдѣлалъ, такимъ образомъ, судей дѣятельными членами. Въ перемѣнѣ способа назначенія судей и условій необходимыхъ для сего званія заключаются два важныхъ усовершенствованія: первое состоить въ томъ, что Россія получила возможность имѣть юридически образованныхъ судей, и что прежняго порядка судьи, которые нерѣдко не имѣли даже простыхъ практическихъ свѣдѣній въ судебныхъ дѣлахъ, сдѣтались не мыслимы въ новыхъ судахъ; второе состоить въ томъ, что канцелярія суда при судьяхъ, которымъ не чужды свѣдѣнія относительно производства судебнаго дѣла, а тѣмъ болѣе при судьяхъ юридически образованныхъ, потеряетъ то значеніе, которое она до сихъ поръ имѣла, и что за бездѣятельнымъ и малосвѣдущимъ судьей не будетъ теперь скрываться лицо секретаря, нерѣдко рѣшавшаго дѣла.

Нельзя, однакожъ, не указать на недостатокъ въ этомъ пункѣ нашей судебной реформы. Вникнувъ въ смыслъ судебныхъ уставовъ, легко замѣтить, что они даютъ предпочтеніе практикѣ предъ юридическимъ образованіемъ. Юристъ, получившій университетское образованіе, безъ практики не можетъ быть членомъ суда по назначению правительства, но практикѣ, безъ юридического образования и даже съ невысокимъ общимъ образованіемъ, можетъ занять не только мѣсто члена окружнаго суда, или судебной палаты, и товарища прокурора, но даже мѣсто предсѣдателя и прокурора. Судебные уставы дѣлаютъ впрочемъ одно исключеніе въ отношеніи къ дѣятельности новыхъ судовъ: я разумѣю постановленіе, по которому для присяжного повѣренного требуется не только судебная практика, но и юридическое образованіе. Спрашивается: развѣ адвокатъ имѣеть болѣе трудныя обязанности, чѣмъ тѣ, которыя возлагаются на судей или прокуроровъ? Этого нельзя сказать, такъ какъ и тѣ и другіе и трети имѣютъ дѣло съ одними и тѣми же юридическими вопросами, а должноѣ предсѣдателя суда есть одна изъ самыхъ трудныхъ обязанностей, которая требуетъ и большихъ качествъ отъ лицъ назначенныхъ на оныя. Поэтому-то и можно считать нѣкоторою неподѣдовательностью со стороны нашего новаго закона, когда онъ считаетъ, что безъ юридического образования нельзя быть адвокатомъ, дѣятелемъ, занимающимся дѣлами по порученію частныхъ лицъ; и можно быть удовѣтворительнымъ членомъ суда, на которомъ лежитъ

обязанность произнести приговоръ надъ доводами самого адвоката, и даже можно быть предсѣдателемъ, на которомъ лежитъ кромѣ того руководство преніями и управление цѣлою судебною частю, состоящею въ вѣдѣніи суда. Это равносильно тому еслибы мы стали утверждать, что для частнаго медика, который занимается леченіемъ частныхъ лицъ по ихъ приглашенію, нужно медицинское образованіе, а для медика, состоящаго на службѣ правительства и даже для инспектора врачебной управы, достаточно одной медицинской практики, пріобрѣтеної въ званіи фельдшера.

При составленіи закона о допущеніи практиковъ даже на высшія судебныя должности, какова напримѣръ должность предсѣдателя, не взято было во вниманіе то сопоставленіе, которое само собою вытекаетъ для предсѣдателей суда изъ практиковъ съ членами суда изъ образованныхъ юристовъ и опять сопоставленіе прокуроровъ изъ практиковъ съ юридически образованнымъ адвокатомъ. Такое сопоставленіе не можетъ быть особенно выгоднымъ для первыхъ: первое совмѣстное дѣйствіе тѣхъ и другихъ можетъ обнаружить слабость первыхъ и превосходство вторыхъ; первый выдвинутый тоякій юридической вопросъ, основанный на теоріи, можетъ вывестъ наружу всю несостоятельность знаній практика предсѣдателя и прокурора и показать превосходство знаній члена суда и адвоката, людей юридически образованныхъ. Само собою разумѣется, что при закрытыхъ судахъ это обстоятельство ровно ничего не значило бы: были же судьи нашихъ старыхъ судовъ подъ законнымъ руководствомъ и вліяніемъ секретарей. Но въ новыхъ судахъ дѣло другое: здѣсь недостатокъ-solidного юридического образованія въ предсѣдателей практикъ и прокуроръ скоро можетъ сдѣлаться известнымъ публикѣ, которая не можетъ отнестись съ особеннымъ уваженіемъ къ подобной слабости, а такое разоблаченіе можетъ повлечь паденіе авторитета предсѣдательского и прокурорскаго званія. Можетъ случиться даже такъ, что прокуроръ изъ практиковъ не въ состояніи будетъ отстоять и справедливое обвиненіе только потому, что обвиняемаго будетъ защищать человѣкъ, владѣющій юридическимъ образованіемъ.

Намъ могутъ сказать въ видѣ возраженія, что допущеніе практиковъ на судейскія должности сдѣлано было по необходимости, въ виду недостатка теоретически образованныхъ юристовъ. Слова нѣть, опасеніе не найти достаточное количество теоретически образованныхъ

юристовъ должно было вынудить уступку въ пользу практиковъ. Но дѣло въ томъ, что если можно было допустить практиковъ на должности членовъ судовъ, то уже не было никакихъ оснований оставлять возможность для нихъ занимать должности предсѣдателей. Давно уже замѣчено, что въ коллегіально устроенныхъ судахъ неопытность и недостатокъ знаній не столь бросаются въ глаза, и не въ состояніи принести того вреда, какой они могутъ причинить, если они бываютъ присущи одиночному судью или предсѣдателю, дѣйствующему во многихъ случаяхъ въ качествѣ одиночного судьи. Въ коллегіи можетъ безъ особенного вреда засѣдать и скрываться всякая бездарность и большое невѣжество: это обстоятельство есть даже одинъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ коллегіально-устроенныхъ судовъ. Нельзя того-же сказать о предсѣдателѣ. Если юридическое образованіе есть качество дѣйствительно для судебнаго званія необходимое, а не таѣ - себѣ безразличное, то дозволеніе практикамъ занимать даже должности членовъ судовъ съѣдало допустить только въ видѣ временной мѣры, дѣйствие которой не должно продолжаться далѣе того времени, когда, можно надѣяться, истезпеть самая необходимость въ этой мѣрѣ.

Между тѣмъ судебные уставы, открывъ для практиковъ широкую карьеру въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, установили почву для нѣкоторыхъ пепрormalьныхъ явлений. Оираясь на законъ, пѣкоторые стали серьѣзно думать, что практики должны быть опредѣляемы въ новые судебныя мѣста не вслѣдствіе недостатка юридически образованныхъ юристовъ, а потому, что практики могутъ быть вообще пригодны для новой судебной карьеры. Притомъ же слова: *судебная практика* толкуютъ слишкомъ странно, такъ напр. причисляютъ къ судебной практикѣ полицейскую службу, считаютъ непредосудительнымъ, чтобы даже лицо, до послѣдняго времени никогда не служившее по судебному вѣдомству, могло теперь же поступить въ старые судьи и посредствомъ такой практики приготовиться къ занятію важныхъ должностей въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Не считаютъ неумѣстнымъ видѣть на должности прокурора или предсѣдателя окружнаго суда лицо, или проходившее военную карьеру или хотя и служившее по судебному вѣдомству, но неимѣющее даже прочнаго общаго образованія.

Впрочемъ можно быть твердо убѣжденымъ, что юридическое образованіе, какъ дѣйствительная сила, неремѣнно современемъ одержать верхъ надъ руганной практикой и не оставить мѣста для пред-

ставителей сей постѣдней. Само собою разумѣется, мы говоримъ о пра-
вилѣ, а не исключеніяхъ: само собою разумѣется, что говоря о юриди-
ческомъ образованіи, мы во-первыхъ разумѣемъ не то образованіе, кото-
рое выражается только дипломомъ, а то, которое состоитъ въ солидныхъ
заніяхъ, приобрѣтенныхъ самостоятельнымъ трудомъ въ школѣ и ви-
я; во-вторыхъ мы высоко ставимъ практику въ соединеніи съ юриди-
ческимъ образованіемъ.

IV.

Положивъ въ основаніе улучшенню нашихъ судовъ требованіе отъ
лицъ, входящихъ въ ихъ составъ, специального георетического и прак-
тического образованія, преградивъ по крайней мѣрѣ по закону доступъ
къ судейской должности невѣжеству и неспособности, судебное преоб-
разованіе имѣть въ виду подорвать въ кориѣ систему взяточничества
и лихоимства, которые составляли одну изъ характеристическихъ чертъ
старыхъ судебныхъ учрежденій всѣхъ инстанцій. Средство, которымъ
законодатель хочетъ достигнуть этого, заключается, кроме улучшеннія лич-
наго состава, въ назначеніи судьямъ приличного содержанія. Съ назначе-
ніемъ надлежащаго содержанія упирается извѣниающій аргументъ взя-
точничества, недостаточность жалованья, который до сихъ поръ приводили.

Взяточничество есть стародавняя язва нашей общественной жизни
вообще, и уголовнаго правосудія въ частности. Оно ведеть свое начало
съ того времени, когда государственная власть не имѣла глубокой связи
съ народомъ, когда князья смотрѣли на область, находившуюся въ ихъ
власти, какъ на вотчину, изъ которой слѣдуетъ извлекать какъ можно
больше доходовъ, когда слуги княжеские или тогдашніе чиновники по-
лучали и смотрѣли на мяста, какъ на кормление. Въ это время, при
бѣдности и маломъ развитіи экономического быта народа, при тѣсно
связанной съ ними скучности средствъ самого государства, чиновники
княжеские, какъ-то: намѣстники, волости, тіуны, пристава и другіе,
участвовавшіе въ отправлениі уголовнаго правосудія, получали содер-
жаніе въ натурѣ отъ самаго населения имъ подвѣдомственнаго, и въ видѣ
денежныхъ пощлинъ съ тяжущихся. Такъ въ законодательныхъ памятни-
кахъ, начиная съ Русской Правды, мы встрѣчаемъ слѣдующія правила:
въ Русской Правѣ говорится: вирнику, т. е. княжескому намѣстнику,
взять 7 ведерь солоду на недѣлю, овенъ, или полоть мяса; а въ среду
куна, и сырь, а въ пятницу тоже, а курей по двое ему въ день, а

хлѣбовъ 7 на недѣлю, а птица семь уборокъ, а гороху 7 уборокъ, а соли семь градоваженъ. Въ уставныхъ грамотахъ говорится: а на вѣзде волостелю кто что принесетъ, то ему взяти; а Рождество Хр. дадутъ волостелю кормъ полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна, а на Петровъ день датуть волостелю кормъ боранъ, десятеро хлѣбовъ. Тогдашнє княженіе намѣстники и другіе чиновники относительно содержанія находились въ таکомъ же самочь положеніи, въ какомъ нѣкоторымъ образомъ до сихъ поръ находится наше сельское духовенство, которое получаетъ свое содержаніе, отчасти натурою въ видѣ того, что ему приносять, отчасти взимается опредѣленное количество денегъ въ видѣ вознагражденія за каждую требу. Въ это время могло существовать вымогательство, чѣмъ прославились княженіе намѣстники и волости, но взяточничества въ смыслѣ современномъ не могло бытъ. Оно получаетъ свое начало съ тѣхъ поръ, когда съ уничтоженіемъ удѣльной розы, Московское государство въ первый разъ сознало свое прізвание, какъ хранителя общихъ интересовъ. Съ этихъ поръ суды начинаютъ получать независимо отъ опредѣленныхъ судебныхъ пошлий, содержаніе въ видѣ денежного жалованія и въ видѣ помѣстій; съ этихъ же поръ мы встрѣчаемъ запрещеніе взятоекъ, носившихъ название посоловъ и помиловъ. Какъ съ этого времени стали измѣняться понятія, доказательствомъ тому служить то, что въ прежнее время сами носители высшей власти, князья, не чужды были проученія посоловъ и помиловъ; теперь, съ превращеніемъ множества князей въ единаго царя, верховная власть эту форму самовольнаго вознагражденія объявила противзаконною. По мѣрѣ того, какъ содержаніе служителей государства, въ томъ числѣ и судей, переводилось изъ натурального въ денежное, по мѣрѣ того, какъ государство уплату вознагражденія постепенно стало принимать на себя, по мѣрѣ торо какъ служба государственная должна была принимать характеръ службы для пользы общества, а не для личной наживы, по мѣрѣ того получение доходовъ, сверхъ опредѣленного жалованія, становилось болѣе и болѣе дѣломъ противозаконнымъ, тѣмъ, что получило название взяточничества. Начиная съ XVI стол. вплоть до нашего времени, законодатель постоянно напоминалъ служителямъ государства о незаконности взятоекъ,—часто издавая карательные законы, иногда черезъ своихъ представителей каралъ взяточниковъ даже смертною казнью, какъ покаранія были въ царствованіе Петра Арцибышевъ, Волоцкой, Нестеровъ. Но всѣ эти напоминанія, угрозы

и жестокія хотя изрѣдка кары оставались тщетными. Еще долго послѣ уничтоженія удѣльной розни, служилое сословіе даже официально просило службы для того, чтобы покормиться и, получая известныя мѣста, жаловалось, что на нихъ сыту быть не можно. А сытость принималась не только въ томъ смыслѣ, чтобы имѣть кормъ, но чтобы какъ можно лучшіе откормиться и составить сколь возможно большіе запасы корму на будущее время. Загоночательныя мѣры противъ взяточничества были строги, напоминанія о душевредности взятокъ, какъ выражалась Екатерина, были часты. А между тѣмъ, самые высокопоставленные люди въ родѣ Морозова въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Меньшикова въ царствованіе Петра, генераль-прокурора или тогдашняго министра юстиціи Глѣбова, въ царствованіе Екатерины, безнаказно жили и богатѣли взятками. Взяточничество превратилось нѣкоторымъ образомъ для служилаго сословія въ домашній тайный культъ, который до позднѣйшихъ дней никакими прощеніями и проповѣдями не могъ быть не только истребленъ, но даже поколебленъ: брали бояре и воеводы, брали дьяки, думные, простые, земскіе, подьячіе всѣхъ видовъ, словомъ отъ низшаго до высшаго. Въ браніи взятокъ участвовала цѣлая семья служилаго человѣка. Вотъ что разсказываютъ представители земской власти о своихъ приношеніяхъ воеводѣ и его семье: «Ходиѣ къ воеводѣ песь хлѣба да калачъ въ 2 алт. да мяса задъ 26 алтынъ 4 деньги, деньгами 3 руб. племяннику его руб. другому племяннику 10 алт., бояринѣ рубль, дворецкому 21 алт. ключнику 10 денегъ, малымъ ребятамъ 2 алтына, подклѣтнымъ 3 алт.» Этотъ перечень напоминаетъ въ значительной степени перечень тѣхъ приношеній, которыя сдѣланы были въ началѣ нынѣшняго столѣтія представителями города Кіева разнымъ чинамъ канцеляріи правительствующаго сената, начиная отъ оберъ-прокуроровъ и ниже. До какихъ размѣровъ взяточничество доходило въ уголовныхъ дѣлахъ, я сошлюсь на обнародованное въ журналѣ министерства юстиціи дѣло объ убийствѣ дѣвицы Маріи Алтуховой, производившееся въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. За это преступленіе первоначально наказано было кнутомъ и сослано въ каторжную работу 3 невинныхъ человѣка, дѣйствительно же виновный остался петронутымъ. За тѣмъ, когда по повелѣнію Императора Александра дѣло было возобновлено и пролить новый свѣтъ на это преступленіе, то открылось, что дѣйствительно виновному Ширкову закрытіе своей вины и запутываніе невинныхъ стоило 400 т. р.

Я не стану распространяться о томъ, что взяточничество, хотя въ ослабѣвшемъ видѣ, принадлежитъ и къ порокамъ современныхъ намъ старыхъ нашихъ судовъ: обществу это лучше меня известно.

Важность вопроса заключается въ томъ, чтобы эта язва не заразила нашу новую магистратуру. Конечно сдѣланное назначеніе для новыхъ судей достаточнаго содержанія есть одно изъ существенныхъ условій для созданія честныхъ и неподкупныхъ судей. Но это условіе не единственное. Чтобы не допустить это зло до новой нашей магистратуры, необходимъ тщательный выборъ людей; только отъ просвѣщеннало, знающаго свое дѣло и незапятнаннало въ прежней своей дѣятельности кандидата, можно надѣяться честной судебнай дѣятельности. Впрочемъ, честность судей въ значительной степени въ рукахъ общества: честныхъ людей вырабатываетъ не законъ и не правительство, а само общество, которое и при правительственномъ назначеніи, все-таки является поставщикомъ всякихъ дѣятелей, а слѣдовательно и судей. Контроль правительства за дѣятельностью чиновниковъ имѣть важное значеніе во многихъ отношеніяхъ; но только одно общество въ состояніи быть истиннымъ контролеромъ честности судейской. Если же общество не въ состояніи рѣзко отличить честнаго судьи отъ безчестнаго, если оно не можетъ первому доставить нравственную поддержку и отличие своимъ сочувствіемъ и своимъ мнѣніемъ, а втораго заклеймить позоромъ, то такое безразличное и равнодушное къ общественному или лучше къ своему собственному благу общество не можетъ имѣть вполнѣ честной магистратуры.

V.

Ни независимость судей, какъ-бы она совершенна ни была, ни специальное ихъ образованіе, ни ихъ безкорыстіе не составляютъ, однакожъ, всѣхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы уголовное правосудіе было выраженіемъ совѣсти народной въ полномъ смыслѣ этого слова. Постоянные судьи, даже обладающіе всѣми качествами хорошихъ судей, какъ-то: просвѣщеннымъ умомъ, специальными знаніями, служебнымъ безкорыстіемъ, не могутъ, по самому своему положенію, освободиться отъ узкаго, формального взгляда на преступленіе и обвиняющее. Если имъ въ совершенствѣ известны законы и формы судопроизводства, то, съ другой стороны, они далеки отъ знанія жизни народа, съ ея страданіями и радостями. Будучи исполнителями и толкователями

телями закона, они невольно приобрѣтаютъ привычку толковать поступки живыхъ людей только съ формальной точки закона, и не въ состояніи стать на точку зреїння дѣйствительной жизни, постоянно движущейся и развивающейся. Въ некоторыхъ дѣлахъ, а именно въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ и преступленіямъ противъ законовъ печати, они положительно считаются не вполнѣ беспристрастными судьями. Чтобы восполнить недостатки дѣятельности правительственныхъ и постоянныхъ судей, западно-европейскіе народы признали необходимымъ участіе, въ отправлениі уголовнаго правосудія, людей временно выбранныхъ изъ народа. Только подъ этимъ условиемъ, судъ, по сознанію опыта старѣйшихъ народовъ Европы, можетъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ не только по закону, но и по совѣсти, судомъ народнымъ; только подъ этимъ условиемъ они можетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ народа.

Итакъ, въ настоящее время единственno желательнымъ и единствено совершеннымъ считается уголовный судъ той организаціи, которая соединяетъ въ себѣ постоянныхъ правительстvenныхъ судей и присяжныхъ, или судей временныхъ, выбранныхъ на каждый данный случай изъ народа. Эту истину усвоилъ и нашъ законодатель и ввелъ въ составъ нашихъ уголовныхъ судовъ наряду съ судьями постоянными судей временно выбираемыхъ изъ народа, подъ именемъ присяжныхъ засѣдателей.

Старый нашъ уголовный судъ былъ и есть по преимуществу судъ формальный. Судьи, стѣсненные правилами законной теоріи доказательствъ и дѣйствуя въ узкихъ границахъ предоставленной имъ власти, нерѣдко принуждены были освобождать отъ наказанія такихъ людей, виновность которыхъ была очевидна, и съ другой стороны приговаривать виновныхъ къ такой мѣрѣ наказанія, которая превосходила мѣру дѣйствительной ихъ виновности. Съ введеніемъ суда присяжныхъ засѣдателей, Россія получила уголовный судъ, который несравненно болѣе способенъ соразмѣрить наказаніе съ степенью дѣйствительной вины.

Еще недавно приходилось слышать, что судъ присяжныхъ—учрежденіе рановременное для нашего отечества, что оно не соответствуетъ теперешнему развитію русскаго общества. Несправедливость сего мнѣнія больше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что допущеніе участія народа въ отправлениі уголовнаго правосудія есть не новизна

только, но и возстановление стародавнихъ учрежденій, въ теперешнемъ законѣ только видоизмѣненныхъ.

Въ періодъ удѣловъ, когда власть княжеская, раздѣленная между множествомъ лицъ; была слаба и занята исключительно своими интересами; участіе народа въ отправлениіи уголовнаго правосудія было велико; тогда община играла въ судѣ роль столь же значительную какъ и судья княжескій, который былъ не столько судьей изыскателемъ истинъ, сколько судьей посредникомъ и собирателемъ судебныхъ пошлий на себя и князя. Въ это время исходъ уголовнаго дѣла, судебный приговоръ и участіе подсудимаго были болѣе въ зависимости представителей народа, чѣмъ коронныхъ судей. Съ паденіемъ удѣльной системы, сложилось одно сильное московское государство: съ этихъ поръ болѣе дѣятельная роль въ отправлениіи уголовнаго правосудія переходитъ въ руки государственныхъ судей, частію назначаемыхъ правительствомъ, частію выбираемыхъ народомъ. Но и въ это время народъ не переставалъ имѣть влияніе на ходъ уголовнаго правосудія: онъ или продолжалъ непосредственно участвовать въ уголовномъ судѣ чрезъ старость, лучшихъ людей и цѣловальниковъ, словомъ чрезъ такъ-называемыхъ судныхъ мужей, какъ хранителей праваго суда; или онъ не переставалъ имѣть косвенное влияніе на постановленіе обвинительнаго или освобождающаго отъ наказанія приговора, посредствомъ дачи своихъ показаній на повальномъ обыскѣ, который, въ первой своей формѣ, имѣлъ много общаго съ англійскимъ судомъ присяжныхъ въ начаточномъ его развитіи.

Развитіе приказнаго начала и бюрократического самовластіяшло неудержимо, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу уменьшалось, пока вовсе не исчезло, и прямое участіе народа въ отправлениіи уголовнаго правосудія. Хотя косвенное его влияніе въ видѣ повального обыска уцѣльилось до послѣдняго времени, но характеръ его былъ уже не тотъ.

Участіе народа въ отправлениіи уголовнаго правосудія имѣло подобный же ходъ и въ западной Европѣ. Исключеніе составляетъ Англія, где оно не только не было вытѣснено и уничтожено, но постепенно приобрѣтало силу и значеніе, воплотившись въ форму пріобрѣвшаго всемірную известность суда присяжныхъ. Въ этой-то готовой и выработанной даровитымъ народомъ формѣ участіе народа въ отправлениіи уголовнаго правосудія возстановлено въ континентальныхъ государствахъ западной Европы. Сначала судъ присяжныхъ усвоенъ былъ,

въ концѣ XVIII в., Франціею; за тѣмъ, начиная съ средины нынѣшняго столѣтія, онъ принялъ большинствомъ остальныхъ народовъ Европы. При усвоеніи этой формы суда, нашъ законодатель находился въ благопріятномъ положеніи въ томъ отношеніи, что онъ могъ построить институтъ присяжныхъ засѣдателей, пользуясь опытомъ не одного, а многихъ народовъ.

Въ устройствѣ суда присяжныхъ первостепенное значеніе имѣютъ слѣдующіе три вопроса: а) кто имѣеть право быть присяжнымъ; б) какимъ способомъ составляется списокъ присяжныхъ; и в) какія дѣла подсудны сему суду.

Что касается первого вопроса, то теорія требуетъ, чтобы съ одной стороны присяжными были люди способные и достойные отправлять такую важную должность, чтобы, съ другой, выборъ не ограничился однимъ какимъ-нибудь классомъ, и судъ сей не потерялъ народнаго характера и не явилъ бы выраженіемъ какихъ-нибудь сословныхъ предубѣжденій.

Вопросъ этотъ разнообразно решается различными законодательствами.

Въ Англіи для выбора въ присяжные существуетъ небольшой цензъ: 10 ф. стер. (60 р. нашихъ) ежегоднаго дохода съ собственной земли и 20 ф. стерл. съ земли арендуемой, или же владѣніе или арендованіе дома известной цѣнности. Такимъ образомъ въ Англіи, въ этой доискихъ порѣ наиболѣе аристократической въ Европѣ странѣ, судъ присяжныхъ довольно близокъ къ идеалу суда народнаго. Не слѣдуетъ забывать, что присяжная служба есть не только право, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжкая обязанность; слѣдовательно возложеніе этой службы на людей бѣдныхъ — было-бы для нихъ не столько приобрѣтеніемъ желаннаго права, сколько тяжкимъ палогомъ.

Въ континентальной Европѣ сначала хорошо не знали свойства суда присяжныхъ, его представляли въ ложномъ свѣтѣ, проводникомъ демагогическихъ страстей. Не удивительно, если при перенесеніи въ другія страны, это учрежденіе явилось въ изуродованномъ видѣ, сдѣлавшись не представителемъ совѣсти народной, а или орудиемъ и проводникомъ видовъ бюрократіи, или же выражителемъ мнѣній одного какого-либо сословія.

Психологически это и понятно: классы, домагавшіеся введенія суда присяжныхъ, смотрѣли на введеніе этого учрежденія болѣе со

стороны дарованія политическихъ правъ; изъ такого взгляда, исключительно политического, и вытекало стремление ограничить присяжную службу какъ можно меньшимъ числомъ гражданъ. По этой причинѣ, въ странѣ, первой изъ европейскихъ государствъ заимствовавшей отъ Англіи это учрежденіе, во Франціи, первоначально получили право участвовать въ отправлениі уголовнаго суда въ видѣ присяжныхъ только лица платящія 300 фр., а по закону 1831 г. въ 200 фр. податей и налоговъ. При такомъ устройствѣ, судъ присяжныхъ не могъ быть судомъ народнымъ въ широкомъ значеніи этого слова. Онъ не могъ въ это время во Франціи судомъ народнымъ и потому, что исполнительная власть могла по своему усмотрѣнію, въ видѣ милости, даровать право быть присяжнымъ и лицамъ, не имѣющимъ ценза, но просящимъ объ оказаніи такого благоволенія. Этимъ способомъ администрація могла вводить въ составъ присяжныхъ такихъ людей, которые готовы были быть ея орудіемъ. Эти недостатки первоначальной организаціи суда присяжныхъ во Франціи были нѣсколько парализированы тѣмъ, что доступъ въ это учрежденіе получили люди хотя необладающіе материальнымъ цензомъ, но по своему образованію, развитію и дѣятельности имѣющіе всѣ качества, необходимыя для успешнаго исполненія важной обязанности присяжныхъ.

Въ 1848 г. во Франціи совершено преобразованіе суда присяжныхъ въ духѣ приближенія его къ идеалу суда народнаго: вместѣ съ введеніемъ всеобщей подачи голосовъ и распространеніемъ политическихъ правъ на всѣхъ гражданъ, и право быть присяжнымъ сдѣгалось достояніемъ каждого полноправнаго гражданина. Это коренное право осталось безъ перемѣны при имперіи, которая также зиждется на всеобщей подачѣ голосовъ. Подобно тому какъ съ 1848 г. во Франціи, которая тогда установила республиканскія формы правленія, и въ республикахъ съверной Америки присяжная служба издавна есть право и обязанность каждого полноправнаго гражданина.

Въ государствахъ Германіи установленъ разнообразный цензъ, дающій право быть присяжнымъ. Цензъ этотъ опредѣляется не владѣніемъ имущества, а количествомъ платимыхъ податей. Такъ въ присяжные призываются: въ Пруссіи платящіе по крайней мѣрѣ 16 рейхсталеровъ ежегоднаго класснаго налога и 20 рейхс. налога съ недвижимой собственности, или 24 рейхс. талер. налога съ ремесла; въ Баваріи и въ Баденѣ тѣ, которые платятъ ежегодно прямыхъ нало-

говъ не менѣе 20 пульденовъ, въ Виртембергѣ платящіе какой - либо прямой налогъ. Независимо отъ ценза въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи призываются къ присяжной службѣ по способностямъ, такъ напр. въ Баваріи и Баденѣ лица, имѣющія степень доктора, или занимающія известныя должности.

Хотя нельзя сказать, чтобы въ Европѣ окончательно исчезло предубѣжденіе противъ суда присяжныхъ, — доказательствомъ чѣму служить уничтоженіе его въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ короткаго существованія въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи: однакожъ въ наше время этотъ знаменитый институтъ такъ крѣпко уже освоился съ общественною почвою континентальной Европы, что онъ пересталъ быть пугаломъ для слабыхъ умовъ. Такое настроеніе особенно способствуетъ къ установлению болѣе правильной организаціи этого суда. Въ такуюто пору решаемъ былъ нашимъ законодателемъ вопросъ о лицахъ, могущихъ быть присяжными, — и должно сказать, что вопросъ этотъ решенъ удовлетворительно.

Право быть присяжнымъ у насъ опредѣляется по двумъ основаніямъ: по имущественному цензу и по цензу нравственному, или лучше сказать, по предполагаемымъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ въ нѣкоторыхъ лицахъ. По имущественному цензу могутъ быть присяжными тѣ, которые владѣютъ землею въ количествѣ не менѣе ста десятина или другимъ имуществомъ, въ столицахъ въ 2000 р. въ губернскихъ городахъ 1000 р., а въ прочихъ мѣстахъ въ 500 руб., также и тѣ, которые получаютъ жалованье, или доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла, въ столицахъ не менѣе 500 р., а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе 200 руб. По способностямъ могутъ отправлять присяжную службу: состоящіе на государственной гражданской службѣ въ должностяхъ, начиная съ 5-го класса, всѣ состоящіе на службѣ по выборамъ дворянскаго и городскаго сословія, нѣкоторые изъ состоящихъ на службѣ по выборамъ крестьянскихъ обществъ, какъ-то: волостные судьи, добросовѣстные расправы, а также занимавшіе по сей выборной службѣ въ теченіи не менѣе трехъ лѣтъ должности старшинъ, головъ, сельскихъ и церковныхъ старостъ. Кромѣ того, въ нашемъ законодательствѣ, по примѣру законодательствъ европейскихъ, опредѣлено, какія лица не могутъ быть присяжными. Къ такимъ принадлежатъ: состоящіе подъ судомъ и слѣдствиемъ, понесшия наказаніе не ниже тюремнаго заключенія, неоправданые по суду въ

преступленихъ, влекущихъ подобное наказаніе, объявленные несостоятельными должниками, иностранцы, русскіе подданные, не знающіе русскаго языка, а также недостигшіе 25-лѣтняго возраста, или не прожившіе двухъ лѣтъ въ данной мѣстности. Изъ состоящихъ на службѣ и несущихъ извѣстнія обязанности не могутъ быть присяжными: военные и морскіе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, священнослужители и монашествующіе, учителя народныхъ школъ, члены судебнаго мѣстъ, въ томъ числѣ и участковые мировые судьи, представители прокурорскаго надзора, чины канцелярій судебнаго мѣстъ, судебные пристава и нотаріусы; изъ чиновъ администраціи и казеннаго управлениія не могутъ быть присяжными: вице-губернаторы, чины полиціи вообще, казначеи и лѣсничіе казенныхъ лѣсовъ; изъ лицъ, служащихъ по выборамъ, не могутъ быть присяжными городскіе головы.

Одно можно сдѣлать замѣчаніе относительно допущенія у насъ лицъ въ присяжныя: поземельный цензъ въ 100 десят. для некоторыхъ мѣстностей слишкомъ великъ, вслѣдствіе чего устраниены отъ присяжной службы такія лица, которые съ пользою для правосудія могутъ ее нести.

Если судъ присяжныхъ по природной своей организаціи долженъ быть судомъ народнымъ, то само собою разумѣется, что для образованія его слѣдуетъ употреблять такие способы, которые бы дали въ результатѣ дѣйствительно судъ народный. Поэтому признано за аксиому, что только тотъ судъ присяжныхъ соотвѣтствуетъ своей идеи, на образованіе которого не имѣютъ вліянія ни представители администраційной власти, ни даже представители власти судебнай.

Выше указанное предубѣжденіе противъ этого учрежденія былочиною, почему законодатели нерѣдко отступали отъ этого правила. Такъ во Франціи, по закону, изданному въ 1808 г. Наполеономъ I-мъ, право составлять списки лицъ, которыхъ могутъ и должны отправлять присяжную службу, предоставлено было главному администратору департамента—префекту и предсѣдателю суда; первый, по своему усмотрѣнію, вносилъ, за 15 дней до открытия суда, въ списокъ 60 человѣкъ; второй тоже по своему произволу сокращалъ этотъ списокъ на 36 человѣкъ; изъ этого — то числа посредствомъ жребія выбирался составъ суда присяжныхъ. Префектъ и предсѣдатель суда, приступавшіе къ составленію списка присяжныхъ за 15 дней до засѣданія суда, когда уже было известно, какія дѣла назначены къ докладу, имѣли;

безъ сомнінія, возможность составить списки съ напередъ заданною цѣллю. Такой способъ организаціи суда присяжныхъ былъ полнымъ искаженiemъ сего учрежденія; онъ только вводилъ въ обманъ людей несвѣдущихъ: учрежденіе, которое служило въ дѣйствительности орудіемъ исполнительной власти, законодатель выдавалъ за судъ народный. Хотя въ послѣдствіи времени во Франціи не разъ былъ измѣняемъ способъ составленія списковъ присяжныхъ, но за исключенiemъ короткаго времени съ 1848 по 1853 г., префекты и другіе представители административной власти не переставали имѣть вліяніе на составленіе списковъ. Въ настоящее время во Франціи, по закону 1853 г., въ составленіи списковъ участвуютъ слѣдующія лица, состоящія въ полной зависимости отъ исполнительной власти: меры, мировые судьи, подъ-префекты и префекты. Изъ списковъ ими составленныхъ, предсѣдатели судовъ образуютъ посредствомъ жребія составъ судящихъ присяжныхъ.

Въ Англіи составленіе списка присяжныхъ лежитъ на обязанности слѣдующихъ лицъ: надзирателей приходовъ, мировыхъ судей дѣйствующихъ при этомъ совмѣстно съ секретаремъ съѣзда и наконецъ шерифовъ. Всѣ эти лица суть болѣе или менѣе представители общественнаго самоуправленія, а пе чиновники администраціи. Въ Англіи давно уже не слышно жалобъ на то, чтобы эти лица при составленіи списковъ дѣйствовали односторонно, или пристрастно.

Въ государствахъ Германіи въ составленіи списковъ участвуютъ представители разныхъ властей, какъ-то: общіи чиновники и представители земства, начальники окружной администраціи, и наконецъ предсѣдатели судовъ. Разница между способомъ составленія списка въ одномъ государствѣ и способомъ составленія, принятымъ въ другомъ, состоить только въ томъ, что въ одномъ государствѣ, дано больше вліянія представителямъ администраціи и суда, чѣмъ представителямъ самоуправленія народнаго, тогда какъ въ другихъ государствахъ сдѣлано это наоборотъ. Такъ въ Пруссіи президенту областнаго управлениія предоставлено право, изъ окружныхъ списковъ, въ составленіи которыхъ участвуютъ представители общіннаго самоуправленія, составлять очередной списокъ, причемъ онъ по своему выбору вносить лицъ, которыхъ признаетъ способными для исполненія обязательствъ присяжнаго въ наступающемъ судебному году; ему же предоставлено право за 14 дней до открытия засѣданія суда присяжныхъ изъ этого очередного списка составлять другой списокъ, 48 присяжныхъ, которыхъ

онъ отсылаетъ въ судъ. Предсѣдатель суда, въ свою очередь, сокращаетъ по своему выбору и усмотрѣнію, присланный списокъ до 30. Легко понять, что въ Пруссіи способъ составленія суда присяжныхъ предоставляетъ большое влияніе администраціи на составленіе списка присяжныхъ, и что способъ этотъ близко подходитъ къ французскому. Въ другомъ нѣмецкомъ государствѣ, Баваріи, составленіе общихъ и очередныхъ списковъ поручено совмѣстной дѣятельности представителей земскаго и городскаго самоуправленія и чиновниковъ администраціи, а составленіе списка для сессій совершается предсѣдателемъ суда посредствомъ жребія.

Если мы сопоставимъ съ этими образцами составленія списковъ установленный нашимъ законодателемъ способъ, то мы убѣдимся, что нашъ законодатель основалъ организацію сего суда на вполнѣ рациональныхъ началахъ. У насъ составляются четыре списка: общий, очередной съ запаснымъ, списокъ, который можно назвать сесіоннымъ, и наконецъ списокъ судебнаго. Первые два списка составляются особыми временными комиссіями, состоящими изъ лицъ, выбираемыхъ для сей цѣли ежегодно уѣздными земскими собраніями; следовательно списки эти составляются представителями народнаго самоуправленія. Остальные два списка составляются судомъ посредствомъ жребія.

Въ Англіи участіе присяжныхъ въ отправленіи уголовнаго правосудія считается необходимою принадлежностію уголовнаго правосудія. Каждый гражданинъ долженъ быть судимъ только судьями выбранными изъ народа: — это положеніе давно признано въ числѣ незыблемыхъ основаній англійской общественности. Поэтому, въ Англіи считается общимъ правиломъ, что каждое уголовное дѣло должно быть решаемо при участії суда присяжныхъ. Дѣйствительно, тамъ съ участіемъ присяжныхъ решаются не только дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ подсудныхъ ассизамъ, но и тѣ дѣла о маловажныхъ проступкахъ, которые судятся съѣздами мировыхъ судей. Если въ Англіи самыя маловажныя уголовныя дѣла судятся безъ присяжныхъ, то это допускается въ видѣ исключенія. Тотъ же порядокъ существуетъ и въ Сѣверной Америкѣ.

Иное мы замѣчаемъ на континентѣ Европы. Подъ вѣтнѣемъ предубѣждений образовавшихся на счетъ суда присяжныхъ, здѣсь до сихъ поръ замѣтно стремленіе какъ можно болѣе обрѣзывать кругъ дѣлъ подсудныхъ

присяжнымъ. Франція первая подала въ этомъ отношеніи примѣръ. Здѣсь издавна присяжные судятъ только самыя важныя преступленія, то что, называется *crimes*, за которыя полагаются тяжкія уголовныя наказанія. Разрядъ же преступленій, носящихъ название *delits*, за которыя полагается до 5-ти лѣтъ тюремнаго заключенія, и другой разрядъ правонарушений извѣстныхъ подъ названіемъ *contraventions*, или маловажныхъ проступковъ, изъяты изъ подсудности присяжныхъ. Но что всео, важнѣе, тамъ до сихъ поръ преступленія по дѣламъ печати, которыя, наиболѣе нуждаются въ участіи судей выбранныхъ изъ народа, исключены изъ подсудности присяжныхъ. А для суда надъ виновными въ государственныхъ преступленіяхъ составляется особаго вида судъ присяжныхъ; эти присяжные, будучи выбраны изъ слишкомъ тѣснаго круга лицъ, занимающихъ извѣстныя общественные должности, не могутъ, быть признаны судьями вполнѣ народными, и потому-то они и не пользуются довѣріемъ.

Германскія государства въ вопросѣ объ учрежденіи подсудности суда присяжныхъ приняли систему французскую. Тамъ вообще говоря суду присяжныхъ подсудны только самыя важныя преступленія. Кроме того изъ подсудности изъяты какъ государственныя преступленія, такъ и преступленія противъ печати. Исключенія ничтожны. Правда, въ послѣднее время замѣчается въ Германии стремленіе къ восприятію вновь благородныхъ началъ конца 40-хъ годовъ и къ распространенію подсудности этого суда и на эти, два рода преступленій. Но это пока дѣло будущаго.

Нашъ законодатель организовалъ подсудность суда присяжныхъ по системѣ не англійской, а французской. Только дѣла по преступленіямъ, влекущимъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ, подсудны суду присяжныхъ. Но изъ числа и этихъ преступленій исключены государственные. Равнымъ образомъ дѣла по преступленіямъ противъ законовъ печати изъяты изъ подсудности

Нѣкоторые, указывая на изъятіе государственныхъ преступленій и преступленій противъ печати изъ подсудности нашего суда присяжныхъ, говорятъ, что предоставление народу въ такомъ ограниченномъ видѣ участія въ отправлениі уголовнаго правосудія, не можетъ, принести той пользы, какую это учрежденіе приноситъ тамъ, где ему подсудны всѣ важнѣйшія дѣла, въ томъ числѣ преступленія государственныя и противъ законовъ о печати. Конечно, никто не можетъ оспаривать,

великой важности этого суда въ примѣненіи къ упомянутымъ преступленіямъ, никто не скажетъ, что таковое примѣненіе не желательно. Но кто наблюдалъ дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей, тотъ не могъ не вынести глубокаго убѣжденія въ томъ, что даже и въ такомъ видѣ это учрежденіе есть одно изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ основаній нелицемѣрной и совѣтливой справедливости какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Зная наши національные недостатки, еще можно испытывать нѣкоторый страхъ насчетъ того, не будуть-ли они имѣть нѣкотораго разлагающаго влиянія на отдельныя части нашей судебнай реформы, основанной на мудрыхъ и справедливыхъ началахъ. Но за прочность и состоятельность нашего суда присяжныхъ можно быть покойнымъ.

VI.

Кромѣ улучшенія состава суда въ тѣсномъ смыслѣ, въ новое уголовное судоустройство введены двѣ новые составные части, не существовавшія въ старомъ: я говорю объ учрежденіи публичныхъ обвинителей, въ лицѣ представителей прокурорской власти, и объ учрежденіи защитниковъ, въ лицѣ присяжныхъ прѣбренныхъ. Благодаря назначенію и дѣятельности обоихъ этихъ учрежденій, нашъ уголовный судъ принялъ другой характеръ, преобразовавшись изъ суда инквизиціонного въ судъ состязательный и обвинительный. Многія другія начала принятые въ уголовномъ судопроизводствѣ остались бы мертвою буквою безъ этихъ двухъ учрежденій, которые являются естественными орудіями примѣненія и претворенія въ жизнь этихъ началъ.

Въ нашемъ старомъ судоустройствѣ институтъ прокуроровъ также существуетъ, но этотъ институтъ отличается многими существенными чертами отъ института прокуроровъ новой организаціи. Назначеніе старыхъ прокуроровъ состояло въ надзорѣ за точнымъ исполненіемъ законовъ и за сохраненіемъ общественнаго интереса во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ административныхъ и финансовыхъ, такъ и судебныхъ. Въ дѣлахъ уголовныхъ на нихъ возложена была съ одной стороны обязанность содѣйствовать открытію преступлений и наказанію дѣйствительно виновныхъ, съ другой—защита невинныхъ и забота объ ихъ оправданіи. При широкомъ объемѣ обязанностей, лица прокурорской власти не могли съ надлежащею точностью

и добросовѣстнымъ вниманіемъ исполнять все то, что возлагалъ на нихъ законъ. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только возложить на должностное лицо множество разнородныхъ обязанностей, чтобы оно часть этихъ обязанностей выполняло только формально, не имѣя возможности вездѣ поспѣть. Раздѣленіе труда въ сферѣ общественного управления имѣеть такое же значеніе, какъ и въ дѣятельности частной. Трудно притомъ выполнить съ полнымъ безпристрастіемъ и должною разсудительностію двѣ диаметрально противоположныя обязанности, каковы съ одной стороны обязанность изыскателя преступлений, вины и наказанія преступниковъ, съ другой — обязанность защитника невинныхъ и охранителя справедливой мѣры наказанія. Дѣятельность новой нашей прокуратуры ограничена дѣлами только судебнаго вѣдомства (ст. 135 учр. суд. уст.) и притомъ съ характеромъ точно опредѣленнымъ и болѣе или менѣе выдержаннымъ въ подробностяхъ. Новая наша прокуратура хотя въ нѣкоторомъ отношеніи есть преемница старой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть и нововведеніе, заимствованное у старѣйшихъ народовъ Европы.

Дѣятельность представителей института прокуроровъ нового типа считается существенною принадлежностію обвинительного судопроизводства, признанного нынѣ за болѣе совершенный способъ открытія истины: Такъ какъ истина открывается изъ сопоставленія противоположныхъ доводовъ, то дѣятельность публичныхъ обвинителей слѣдуетъ считать необходимою составною частію того судопроизводства, которое признаетъ важнымъ дѣломъ защиту подсудимаго посредствомъ адвоката. Одно безъ другаго существовать не должно, или справедливе, гдѣ есть одно учрежденіе, тамъ должно быть и другое. Вотъ почему въ Англіи, гдѣ нѣтъ публичныхъ обвинителей въ лицѣ прокуроровъ, защита подсудимаго не составляетъ предмета заботы общественныхъ учрежденій и находится до такой степени въ пренебреженіи, что обвиняемому не дается защитникъ даже тогда, когда онъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни. Правда, обвинителями могутъ выступать частные, потерпѣвшія отъ преступленія, лица, дѣятельностію которыхъ можетъ поддерживаться обвинительно-состязательное начало въ дѣлѣ уголовнаго правосудія. Но сильь частныхъ лицъ для представления преступлений крайне недостаточно. Многія изъ частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленій, не въ состояніи быть обвинителями, каковы малотѣтные и люди бѣдные. Частные лица по-

равнодушію, небрежности или вслѣдствіе своихъ занятій не могутъ съ должною энергию выполнить трудную обязанность публичнаго обвинителя. Частныя лица, даже и задѣтыя преступленіемъ, всегда будутъ склонны подчинять обвиненіе своимъ личнымъ интересамъ и очень часто готовы пойти на миръ тамъ, где общественный интересъ этого не допускаетъ. Частный обвинитель можетъ наконецъ быть запуганъ лицомъ виновнымъ, его соучастниками, и ихъ родственниками. Частный обвинитель склоненъ наконецъ возбуждать неосновательныя жалобы. Если обязанность преслѣдованія возложить на слѣдователя, то это значитъ въ одномъ лицѣ соединить двѣ разнородныя обязанности обвинителя и слѣдователя, и дать ему поводъ дѣйствовать небезпристрастно, увлекаться въ сторону обвиненія, и начинать неосновательныя преслѣдованія. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится прокуроръ какъ публичный обвинитель. Каждое свое обвиненіе онъ долженъ публично отстоять: чѣмъ большее число неосновательныхъ обвиненій онъ возбудить, чѣмъ больше невинныхъ людей онъ привлечетъ къ слѣдствію и суду, тѣмъ больше онъ рискуетъ навлечь на себя общественное порицаніе и даже негодованіе. Въ самой его обязанности заключается для него побужденіе быть осторожнымъ; обязаный доказать справедливость начатаго преслѣдованія, онъ будетъ стараться преслѣдовать такихъ лицъ, которые дѣйствительно виновны, или которыхъ можно считать таковыми на основаніи достаточныхъ данныхъ. Вслѣдствіе сознанія этихъ качествъ учрежденія, институтъ этотъ усвоенъ законодательствами почти всѣхъ европейскихъ народовъ, которые ввели у себя въ послѣднее время улучшенные способы уголовнаго суда. Даже въ Англіи, столь неохотно дѣлающей заимствованія у другихъ народовъ, давно слышатся голоса за необходимость введенія этого института.

Такъ какъ институтъ нашихъ новыхъ прокуроровъ есть, какъ я уже сказалъ, въ значительной степени учрежденіе заимствованное у народовъ западной Европы, то для уразумѣнія его характера необходимо обратиться къ самому источнику его.

Мы знаемъ въ западной Европѣ два главные типа этого учрежденія: первый типъ, очень мало распространенный, существуетъ въ Шотландіи и Испаніи; второй выработанъ французами и усвоенъ большинствомъ народовъ западной Европы. Наша прокуратура по своему характеру принадлежитъ къ французскому типу.

Въ Испаніи лица прокурорскаго надзора не зависятъ отъ исполнительной власти; каждый притомъ прокуроръ, состоящій при судѣ первой инстанціи, не подчиненъ прокурору дѣйствующему при судѣ инстанціи высшей; каждый прокуроръ есть должностное лицо несмѣнное административнымъ порядкомъ, по волѣ начальства. Вследствіе этого прокуратура въ Испаніи является не органомъ исполнительной власти, а органомъ закона, имѣющаго въ виду преслѣдованіе преступленій и обвиненіе преступниковъ; здесь лица прокурорскаго надзора, не состоя въ прямыхъ сношеніяхъ съ исполнительною властію, и обеспеченные закономъ о несмѣнности, дѣйствуютъ единственно только по своей совѣсти и убѣжденію, а не по приказацію представителей исполнительной власти. Въ Шотландіи прокуратура находится въ подобномъ же положеніи; лордъ-адвокатъ, какъ высшій чиновникъ прокуратуры, и фискалы, состоящіе при судахъ шерифовъ, являются только публичными обвинителями, дѣйствующими независимо отъ чьихъ-бы то ни было приказаний и руководствующимися только закономъ и сознаніемъ своихъ обязанностей: они могутъ по обязанности предпринимать некоторые следственныя дѣйствія для того, чтобы или иметь данныхъ для прекращенія преслѣдованія или пріобрѣсть доказательства въ подкрѣпленіе обвиненія.

Значительно другимъ характеромъ отличается французская прокуратура: это есть институтъ, съ одной стороны имѣющій преобладающее значение въ судебной организаціи, съ другой — находящійся въ полной зависимости отъ исполнительной власти.

Организація французской прокуратуры состоить въ слѣдующемъ: При кассационномъ судѣ состоить генераль-прокуроръ съ 6 помощниками, носящими название генеральныхъ адвокатовъ. За тѣмъ, при каждомъ изъ 28 судовъ второй степени или аппеляціонныхъ, дѣйствуетъ тоже особенный генераль-прокуроръ съ пѣсколькими помощниками. Ниже ихъ въ іерархической лѣстнице стоять дѣйствующіе при судахъ первой степени императорскіе прокуроры, число коихъ простирается до 361 и равняется числу судовъ первой степени; при сихъ прокурорахъ состоять тоже помощники. Обязанности прокуроровъ при полицейскихъ и мировыхъ судахъ исполняютъ полицейскіе комиссары и меры. Каждый изъ помощниковъ разныхъ напменованій прокуроровъ находится въ зависимости отъ своего прокурора и исполняетъ его приказанія. Въ свою очередь императорскіе прокуроры подчинены гене-

ральному прокурору того апелляционного суда, въ вѣдомствѣ кого они состоять, генеральные прокуроры апелляционныхъ судовъ состоять въ зависимости отъ генераль-прокурора; состоящаго при кассационномъ судѣ, а сей послѣдній находится въ зависимости отъ министра юстиціи, должностнаго лица, входящаго въ составъ министерства, главнаго органа исполнительной власти.

По ученію французскихъ юристовъ, прокуратура есть учрежденіе, единое и нераздѣльное, такъ-что, когда дѣйствуетъ одно лицо прокурорской власти, то въ лицѣ его дѣйствуетъ вся прокуратура, когда не можетъ продолжать начатаго преслѣдованія одинъ представитель сей власти; то начатое имъ дѣло продолжаетъ другой. Строгая подчиненность, еще болѣе скрѣпляется тѣмъ, что каждый чиновникъ прокуратуры есть должностное лицо смѣняемое по волѣ того своего начальства, которое его опредѣляетъ на должность. Въ этой смѣняемости и заключается одна изъ причинъ той дисциплины и той зависимости, которую особенно отличается французская прокуратура: она всегда являлась послушнымъ и энергическимъ орудіемъ исполнительной власти, которая въ теченіи послѣднихъ 80 лѣтъ такъ часто мѣнялась во Франціи и которая всегда находила въ прокуратурѣ легкаго проводника своихъ временныхъ, мѣняющихся видовъ и цѣлей.

Кругъ вѣдомства французской прокуратуры чрезвычайно обширный и разнообразный: прокуроры возбуждаютъ преслѣдованіе преступленій и наблюдаютъ за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, они суть публичные обвинители въ тѣсномъ смыслѣ, они даютъ свой заключеніи по дѣламъ гражданскимъ, они наконецъ завѣдываютъ дѣлами судебнаго управленія.

Во Франціи предварительное слѣдствие начинается не иначе, какъ по предложению представителя прокурорской власти, въ рукахъ которой сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о событияхъ, носящихъ характеръ преступлений. Имъ принадлежитъ, можно сказать, монополія начинать или не начинать уголовное преслѣдованіе по преступленіямъ, преслѣдуемымъ *ex officio*.

Представитель французской прокуратуры имѣеть право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ; безъ него слѣдственный судья не можетъ отпустить арестованнаго на свободу. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ, въ такъ-называемыхъ преступленіяхъ *flagrants delit*, или по нашему, въ преступленіяхъ совершенныхъ на горячихъ слѣдахъ, пре-

куроръ самъ имѣть право, не приглашацъ слѣдственного судью, предпринять всѣ тѣ слѣдственные дѣйствія, которыя необходимы для собранія матеріаловъ и даже сдѣлать распоряженіе о задержаніи подозреваемаго лица.

Во время судебнаго слѣдствія французскій прокуроръ отстаиваетъ обвиненіе. При этомъ онъ пользуется такими правами, какихъ лишены защитники; права эти ставятъ его въ привилегированное положеніе, болѣе благопріятное, чѣмъ положеніе защитника. Такъ отъ прокурора зависитъ вызовъ къ суду свидѣтелей и свѣдущихъ людей, тогда какъ обвиняемый и защитникъ его имѣютъ только право просить о вызовѣ того или другаго свидѣтеля. При началѣ судоговоренія прокуроръ излагаетъ сущность обвиненія, заимствуя для этого свѣдѣнія изъ предварительного слѣдствія, между тѣмъ какъ защитнику не дано права въ это время возражать и исправлять неточности и преувеличенія прокурорскаго изложенія. Во время допроса свидѣтелей, онъ пользуется во всякое время правомъ, безъ позволенія президента, дѣлать допросъ свидѣтелямъ, вставлять замѣчанія на ихъ показанія, тогда какъ защитникъ пользуется правомъ этимъ не иначе какъ съ дозволеніемъ президента. Всѣдствіе такого привилегированного положенія французскіе прокуроры позволяютъ себѣ въ своихъ рѣчахъ приводить такія обстоятельства, которыя не были предметомъ судебныхъ преній; такъ нерѣдко они пускаются въ характеристику семьи, къ которой принадлежитъ подсудимый, разсказываютъ обстоятельства его жизни, съ цѣлью усилить доводы обвиненія, при политическихъ процессахъ позволяютъ себѣ рѣзкѣ отзывы объ убѣжденіяхъ подсудимаго, нападаютъ на дѣятельность партій.

Что касается дѣлъ судебнаго управлениія, то прокуроры во Франціи суть органы министра юстиціи, надзирающаго за отправленіемъ правосудія. Генеральный прокуроръ открываетъ рѣчью судебній годъ, начинающійся осенью; онъ принимаетъ мѣры о своевременномъ открытии ассизъ и заботится о приглашеніи должностныхъ лицъ. О неправильныхъ дѣйствіяхъ судовъ онъ дѣлаетъ представленія апелляціонному суду и доклады министру юстиціи, которому сверхъ того онъ представляетъ ежегодные отчеты о ходѣ правосудія, указывая при этомъ ошибки и неправильности въ дѣйствіяхъ судовъ. Представители прокурорской власти имѣютъ право возбуждать дисциплинарное производство противъ судей и адвокатовъ. Что касается такъ - называемыхъ

ministeriels officiers, то-есть аvoué или ходатаевъ по дѣламъ, huissiers или судебныхъ приставовъ, и greffiers или сѣкретарей, то прокуроры имѣютъ право дѣлать имъ непосредственно замѣчанія и выговоры.

Устройство французской прокуратуры не напрасно упрекаютъ во многихъ недостаткахъ.

Законъ называетъ ихъ представителями и хранителями закона и окона правосудія: вслѣдствіе этого французскіе прокуроры привыкаютъ ложно смотрѣть на свое призваніе, воображая себя контролерами дѣятельности судей и адвокатовъ. Въ видахъ охраненія закона имъ предоставлено право давать заключенія по всемъ гражданскимъ дѣламъ. Этимъ законодатель какъ-бы показываетъ съ одной стороны недовѣріе къ уму и знаніямъ судей, съ другой—незаслуженное предпочтеніе представителямъ прокурорской власти. Почему одинъ прокуроръ, а не судья есть хранитель закона,—сказать трудно: а между тѣмъ представитель прокурорской власти, ссылаясь на законъ, и въ самомъ дѣлѣ начинаетъ думать, что только онъ и охраняетъ законъ. Достойно особенно порицанія предоставленное французскимъ прокурорамъ право надзора за судьями: это право есть выраженіе глубокаго недовѣрія къ судебному сословію и не можетъ способствовать утвержденію той независимости, которую судья долженъ пользоваться въ отношеніи къ представителямъ административной власти. Исторія магистратуры во Франціи свидѣтельствуетъ, что контроль прокуроровъ надъ судьями нерѣдко выражался въ соглядатайство политическихъ убѣжденій и въ сообщеніе министру юстиціи свѣдѣній о внѣсудебномъ поведеніи судьи. Не иенѣе заслуживаетъ порицанія то привилегированное положеніе, какимъ прокуроръ пользуется во время судебныхъ преній, въ виду своего противника адвоката. Не одобряютъ также какъ предоставленія прокурору права самому предпринимать слѣдственныя дѣйствія, такъ и монополіи преслѣдованія. Нерѣдко бываетъ, что прокуроръ не даетъ хода жалобъ на злоупотребленія чиновника, или другаго привилегированного лица. Такъ наполеоновская прокуратура долго охраняла отъ заслуженнаго преслѣдованія со стороны закона духовныхъ лицъ, чиновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, пока не произошелъ разладъ между главою государства и духовенствомъ.

Французская прокуратура, состоящая изъ должностныхъ лицъ совершенно зависимыхъ отъ ministra и по его произволу смѣняемыхъ, іерархически организованная и поставленная въ нѣсколько

привилегированное, развивающее духъ властолюбія, положеніе, всегда служила самимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ исполнительной власти. Каждое правительство , а ихъ во Франціи въ послѣдніе 80 лѣтъ смѣнилось довольно много, находило въ представителяхъ прокуратуры удобное орудіе для преслѣдованія своихъ политическихъ противниковъ. И замѣчательно , тѣ самые дѣятели , которые въ званіи адвоката съ благороднымъ мужествомъ отстаивали свободу гражданскую и независимость органовъ суда , вступивши въ ряды прокуратуры , являются самыми послушными орудіями исполнительной власти. Дюпенъ, Делангль, Пинаръ , какъ адвокаты прославили свои имена защитою гражданской свободы, свободы печати и правъ адвокатскаго сословія. Поступивъ затѣмъ въ ряды прокуратуры, они явились ревностными преслѣдователями того, что они прежде защищали.

Наша новая прокуратура по своему строю и своимъ обязанностямъ приближается къ типу французской прокуратуры, хотя имѣть свои довольно важныя особенности. Впрочемъ , судить о ея духѣ въ настоящее время трудно, такъ какъ она еще не успѣла окончательно сложиться и себя обнаружить.

Наша прокуратура организована слѣдующимъ образомъ:

Въ главѣ ея, какъ и во Франціи, стоитъ министръ юстиціи, какъ генераль-прокуроръ.

При кассационныхъ департаментахъ состоится два оберъ-прокурора, съ нѣсколькими товарищами у каждого. При каждой судебной палатѣ находится прокуроръ сей палаты съ нѣсколькими товарищами. При каждомъ окружномъ судѣ состоится прокуроръ сего суда съ известнымъ числомъ товарищей , изъ коихъ нѣкоторые, живутъ въ томъ городе, где находится окружной судъ , другие же въ прочихъ подсудныхъ городахъ для отправленія обязанностей какъ по надзору за производствомъ слѣдствій, такъ и для исполненія обязанностей при сѣздахъ мировыхъ судей. Каждый товарищъ находится въ непосредственной зависимости и руководствѣ своего прокурора , прокуроръ окружного суда подчиненъ прокурору судебнай палаты , а сей послѣдній, какъ и оберъ-прокуроры кассационныхъ департаментовъ непосредственно подчинены министру юстиціи.

Назначеніе чиновъ прокурорской власти на должности совершаются по представленію министра утвержденіемъ Государя Императора, за исключеніемъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ , которые

утверждаются непосредственно министромъ юстиціи. Тѣмъ же способомъ совершаются ихъ увольненіе и перемѣщеніе. Такимъ образомъ, представители нашей прокуратуры суть должностныя лица смыняемыя по усмотрѣнію своего начальства.

Для полученія должности прокурора требуется или юридическое образованіе, соединенное съ судебною практикою, или же одна только практика по судебному вѣдомству. Такимъ образомъ юридическое образованіе не есть необходимое условіе, для полученія мѣста прокурора, тогда какъ одна практика даетъ это право, и притомъ она необходима даже и тогда, когда ищущій имѣетъ юридическое образованіе. Въ законѣ установлены сроки практики для полученія разныхъ должностей прокуратуры: такъ для полученія должности товарища прокурора требуется не менѣе 4-хъ лѣтъ практики, для получения должности прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты не менѣе 6-ти лѣтъ, для должности прокурора судебной палаты и товарища оберъ-прокурора не менѣе 8-ми лѣтъ, для должности оберъ-прокурора не менѣе 12-ти лѣтъ.

Лица прокурорской власги находятся въ зависимости и подъ контролемъ министра юстиціи. За нарушение своей обязанности они подлежать дисциплинарной отвѣтственности и дисциплинарнымъ взысканіямъ, какъ-то: а) предостереженіямъ, б) замѣчаніямъ, в) выговорамъ безъ внесенія въ послужной списокъ, г) вычетамъ изъ жалованья, д) аресту не болѣе какъ на 7 дней и е) перемѣщенію съ высшей должности на низшую. Способъ наложенія этихъ взысканій бываетъ различный; смотря по лицамъ и по свойству дисциплинарного взысканія, взысканіе налагается или непосредственно министромъ юстиціи, или судомъ, дѣйствующимъ въ порядке дисциплинарного производства. По непосредственному усмотрѣнію министра юстиціи, и притомъ не иначе какъ по истребованіи объясненія, лица прокурорского надзора подвергаются слѣдующимъ взысканіямъ: оберъ-прокуроры кассационныхъ департаментовъ только однимъ предостереженіемъ, товарищи оберъ-прокуроровъ, прокуроры судебныхъ палатъ и ихъ товарища и прокуроры окружныхъ судовъ только предостереженіямъ, замѣчаніямъ и выговорамъ безъ внесенія въ послужной списокъ, а товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ сверхъ того и аресту не болѣе какъ на 7 дней. Остальными дисциплинарными взысканіями, которые не могутъ быть наложены властю министра юстиціи, лица прокурорского над-

зора подвергаются только по разсмотрѣніи дѣла судомъ въ порядке дисциплинарного производства.

Кругъ вѣдомства нашей прокуратуры простирается на дѣла уголовныя, дѣла гражданскія и дѣла судебнаго управления.

По дѣламъ уголовнымъ они наблюдаютъ за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, являются публичными обвинителями во время судебнаго слѣдствія, подаютъ апелляціонные и кассаціонные отзывы, наблюдаютъ за исполненіемъ рѣшеній.

При производствѣ предварительного слѣдствія лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ не только въ качествѣ обвиняющей стороны, но и въ качествѣ надзирающей и контролирующей власти. Хотя судебный слѣдователь во многихъ случаяхъ можетъ, не ожидая предложенія прокурора, начать предварительное слѣдствіе, то тѣмъ не менѣе въ рукахъ представителей прокурорской власти сосредоточиваются свѣдѣнія о всѣхъ производимыхъ слѣдствіяхъ. Представители прокурорской власти имѣютъ право, сверхъ дачи предложеній о началѣ слѣдствій, присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и рассматривать подлинное производство, требовать принятія извѣстныхъ мѣръ, клюющихъ къ изслѣдованию преступленій, собранію доказательствъ и къ дополненію слѣдствія. Судебный слѣдователь отъ исполненія законныхъ требованій прокурора не можетъ уклониться (282 гр. суд.). Словомъ, при производствѣ предварительного слѣдствія представители прокурорской власти дѣйствуютъ не только въ качествѣ стороны, но и власти имѣющей право требовать въ извѣстныхъ предѣлахъ исполненія своихъ предложеній.

Иной способъ дѣйствія имъ усвоенъ при судебнѣмъ слѣдствіи, при публичномъ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла. Здѣсь прокуроръ хотя дѣйствуетъ въ качествѣ обвинителя государственного, но онъ пользуется тѣми же правами, какими пользуются частный обвинитель, обвиняемый и его защитникъ. Въ законѣ прямо говорится, что прокуроръ, въ судебнѣмъ состязаніи, пользуется одинаковыми правами съ подсудимымъ или его защитникомъ. Однимъ словомъ, прокуроръ во время судебнаго слѣдствія имѣеть значеніе только стороны. Въ чёмъ же состоитъ это равенство правъ? Въ судебнѣмъ засѣданіи предсѣдатель суда руководитъ ходомъ судебнаго слѣдствія: онъ наблюдаетъ за порядкомъ объясненій, возраженій и замѣчаній, устраиваетъ въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу (611 ст. угол. суд.).

Такъ какъ всѣ лица , принимающія участіе въ дѣлѣ , должны подчи-
няться распорядительной власти предсѣдателя , то онъ съ равнымъ
правомъ можетъ устранить изъ преній все не относящееся въ
дѣлу , будеть-ли оно исходить изъ устъ обвиняемаго или его за-
щитника , или изъ устъ прокурора или частнаго обвинителя . Въ
законѣ сказано : что сторонамъ предоставляется право , съ разрѣ-
шеніемъ предсѣдателя суда , предлагать вопросы свидѣтелямъ и свѣ-
дущимъ лицамъ , возражать противъ ихъ показаній и просить , что-
бы они были допрошены въ присутствіи или отсутствіи другъ друга .
Само собою разумѣется , что выраженіе съ разрѣшеніемъ предсѣдателя ,
относится не только къ обвиняемому , его защитнику и частному об-
винителю , но и обвинителю государственному , т. е. прокурору . Намъ
памятно публичное засѣданіе , въ которомъ разбиралось дѣло по об-
виненію мѣщанина Балабанова въ убийствѣ Суслова . При постановкѣ
вопросовъ , товарищъ прокурора настаивалъ на внесеніе такихъ об-
стоятельствъ , которыя-бы говорили о предумышленности убийства . Судъ
отвергъ доводы товарища прокурора . Но товарищъ прокурора , и по-
слѣ рѣшенія судомъ поднятаго имъ вопроса , продолжалъ возражать
и протестовать . Тогда предсѣдатель замѣтилъ ему неумѣстность его
возраженій и протеста и приказалъ свое замѣчаніе внести въ ипрото-
колъ .

Въ дѣлахъ судебнаго управлениія наша прокуратура имѣетъ чрез-
вычайно важное значеніе . Законъ нашъ называетъ прокуроровъ лицами
прокурорскаго надзора . Слово надзоръ указываетъ болѣе , чѣмъ на ихъ
дѣятельность въ кругѣ ихъ прямыхъ обязанностей , какъ публичныхъ
обвинителей , оно говоритъ о ихъ контрольной дѣятельности за исполненіемъ
обязанностей , возложенныхъ на другія учрежденія и на должностныхъ
лицъ судебнаго вѣдомства . Мы уже указали на ихъ контролльную
дѣятельность надъ производствомъ предварительныхъ слѣдствій .
Но само собою разумѣется , ихъ надзоръ этимъ не ограничивается .
Въ одномъ мѣстѣ законъ прямо ихъ называетъ имѣющими право на-
блуденія за охраненіемъ законовъ (ст. 253 учр. суд. уст.) и предо-
ставляетъ общій надзоръ за судебными установленіями и должностными
лицами судебнаго вѣдомства министру юстиціи , который , какъ гене-
раль-прокуроръ , есть глава прокурорскаго надзора (ст. 254 суд. уст.) .
Въ дѣлѣ надзора , министръ юстиціи , какъ генераль - прокуроръ , оче-
видно можетъ дѣйствовать только при посредствѣ подчиненныхъ ему

лицъ прокурорского надзора: отъ нихъ онъ, въ порядке подчиненности, получаетъ представленія о замѣченныхъ ими упущеніяхъ судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ (ст. 253 учр. суд. уст.); онъ поручаетъ посредствомъ частныхъ или циркулярныхъ предписаній состоящимъ при судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ и оберъ-прокурорамъ, принятие законныхъ мѣръ для устраненія въ судебныхъ мѣстахъ нарушенія правилъ внутренняго устройства и дѣлопроизводства (ст. 259 учр. суд. уст.); онъ наконецъ имѣеть право дѣлать предложенія о начатіи дисциплинарного производства для наложенія взысканія, какъ на судей, такъ и на судебнага мѣста въ цѣломъ ихъ составѣ (ст. 258 и 272). Всѣ назначенія на судебнага должностіи происходятъ по выбору и представленію министра юстиціи, за исключеніемъ должностей сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, хотя и въ этомъ случаѣ *de facto* не можетъ не быть вліянія министра юстиціи.

Подчиненные ему лица прокурорского надзора въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначеній на судебнага должностіи имѣютъ также вліяніе: такъ назначеніе кандидатовъ на судебнага должностіи судебнагими слѣдователями происходитъ при удостовѣреніи прокурора того суда, при которомъ кандидатъ состоялъ, о приобрѣтеніи кандидатомъ достаточныхъ познаній по слѣдственной части (ст. 205 учр. суд. уст.). Выборъ на вакантныя мѣста членовъ окружныхъ судовъ и судебнага палата происходитъ при участіи прокуроровъ. Самъ министръ юстиціи имѣеть право вмѣстѣ съ выбраннымъ общимъ собраніемъ суда кандидатомъ представить на утвержденіе Государя и другихъ по своему усмотрѣнію (ст. 213, 214, 215 учр. суд. уст.). Въ этомъ случаѣ онъ можетъ послѣдовать мнѣнію прокурора, который держался другаго взгляда на выбранаго кандидата, чѣмъ смотрѣлъ на его судь.

Сопоставляя черты нашей прокуратуры съ чертами ея прототипа — французскою прокуратурою, нельзя не признать того, что въ нашемъ институтѣ сдѣланы нѣкоторыя улучшенія. Къ числу этихъ улучшений слѣдуетъ отнести: а) установленіе правила, состоящаго въ томъ, что наши прокуроры сами слѣдствій не производятъ; б) введеніе равенства во время публичныхъ преній между прокуроромъ и защитникомъ; в) одинаковую ихъ подчиненность распоряженіямъ предсѣдателя суда; г) недопущеніе для лицъ прокурорского надзора монополіи обвиненія, такъ какъ жалоба лица потерпѣвшаго отъ преступленія счи-

тается достаточнымъ поводомъ для начатія слѣдствія, а начатое слѣдствіе можетъ быть прекращено не властію прокурора, а только властію суда.

По закону лица прокурорскаго надзора при заявленіи судебнаго мѣстамъ своихъ заключеній какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по дѣламъ уголовнымъ дѣйствуютъ единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ (ст. 130 учр. суд. м.). На семъ же основаніи, прокуроръ судебнай палаты, постановившей вопреки мнѣнію прокурора окружнаго суда, приговоръ о преданіи кого-нибудь суду, не вправѣ требовать, чтобы мѣстной прокуроръ поддерживалъ обвиненіе вопреки своему убѣжденію (ст. 539 уг. суд.). Равнымъ образомъ, всякий прокуроръ, который ведетъ обвиненіе противъ какого-нибудь подсудимаго, обязанъ заявить суду по совѣсти, если онъ находитъ, что обвиненіе, изложенное въ обвинительномъ актѣ, опровергнуто судебнаго слѣдствіемъ, и что оправданія подсудимаго уважительны (ст. 740 уг. суд.).

Эти правила не должны остаться безплодными; они должны сдѣлать менѣе возможными тѣ натяжки въ обвиненіи, ту ярость нападокъ на подсудимаго, къ которымъ привыкли французскіе прокуроры. Недолговременная практика нашихъ судовъ представляетъ достаточная примѣры совѣстливаго отношенія нашихъ прокуроровъ къ обвиненію и чувства мѣры въ преслѣдованіи подсудимыхъ. Случается даже, что самъ прокуроръ-обвинитель является защитникомъ подсудимаго, какъ напримѣръ это было въ судебнѣмъ засѣданіи 2-го отдѣленія Петербургскаго окружнаго суда 2-го октября 1867 г., въ которомъ разматривалось дѣло по обвиненію крестьянъ Петрова и Трофимова въ кражѣ со взломомъ. Послѣ допроса свидѣтелей товарищъ прокурора произнесъ самую обстоятельную рѣчь въ защиту подсудимыхъ, такъ что защитнику не оставалось ничего прибавить и присутствіе его оказалось лишнимъ. Конечно, прокуроръ въ виду присутствія защитника, не долженъ переходить въ чужую роль; онъ исполнить свою обязанность, если только заявить, что онъ, послѣ узнанія новыхъ обстоятельствъ, отказывается отъ обвиненія. Но указанный случай показываетъ направление дѣятельности нашей прокуратуры, достойное всякаго одобренія. Достоенъ также вниманія не таъ давній случай изъ дѣятельности нашихъ публичныхъ обвинителей. Я разумѣю заключеніе данное прокуроромъ судебнай палаты по обвиненію Лаппою-Стерженецкимъ Крестовскаго и Краевскаго за оскорбление его печатнымъ словомъ во время исполненія

должности. Прокуроръ С.-пет. суд. палаты съ самаго начала не находилъ уважительною жалобу Лапы-Стерженецкаго и отказался преслѣдовать Крестовскаго и Краевскаго. За тѣмъ, повинуясь предписанію ministra, основанному на законѣ, онъ далъ упомянутой жалобѣ ходъ. Но во время публичнаго разсмотрѣнія дѣла, онъ заявилъ, что хотя онъ, вслѣдствіе предписанія ministra, и далъ ходъ жалобѣ, но все-таки по убѣждѣнію быть не видѣть, чтобы въ разматриваемомъ случаѣ былъ оскорблѣнъ частный обвинитель, и потому не можетъ давать предложенія о признаніи виновными привлеченныхъ къ суду.

VII.

Въ старомъ уголовномъ судѣ обвиняемый не пользовался надлежащею защитою. Участіе въ уголовномъ судѣ, въ качествѣ блюстителей интересовъ подсудимаго, сословныхъ депутатовъ, по двумъ причинамъ не обеспечивало защиты: во-первыхъ потому, что участіе ограничивалось предварительнымъ слѣдствіемъ; во-вторыхъ потому, что депутаты, по общему свойственному нашей общественности равнодушію, по неопытности и полному нѣвѣдѣнію законовъ, не въ состояніи были явиться дѣльными и полезными защитниками подсудимаго; въ дѣйствительности они были простыми исполнителями касавшихся ихъ обязанности обрядностей. Законъ, кромѣ того, возлагалъ въ интересахъ правосудія и точнаго исполненія закона, на представителей прокурорской власти заботу о томъ, чтобы подсудимый не понесъ сверхъ мѣры наказанія, а тѣмъ болѣе, чтобы онъ не былъ наказанъ, если онъ оказался невиннымъ. Но представители старой прокуратуры также не могли надлежащимъ образомъ выполнить обязанность защитника подсудимыхъ по той простой причинѣ, что они въ тоже время обязаны были закономъ заботиться о томъ, чтобы дѣйствительно виновный не избѣгъ наказанія, и чтобы онъ понесъ наказаніе не ниже опредѣленного закономъ за его вину. При такомъ соединеніи въ одноть должностной лицѣ двухъ противоположныхъ обязанностей, ни обвиненіе, ни тѣмъ болѣе защита, не достигали своей цѣли. Я уже не говорю о томъ, что лица прокурорской власти, будучи завалены множествомъ самыхъ разнородныхъ дѣлъ, физически не въ состояніи были выполнить обязанности защитника. Наконецъ нельзѧ не упомянуть о той защитѣ

подсудимыхъ, которую брали на себя и выполняли старые ходатай по дѣламъ. Хотя въ старомъ уголовномъ судопроизводствѣ есть два - три упоминанія о повѣренныхъ, но вообще говоря, повѣренные не были институтомъ допущеннымъ по закону, пока не изданъ былъ законъ 11 октября 1865 г. Такимъ образомъ защита подсудимыхъ — это одно изъ самыхъ естественныхъ и непреложныхъ правъ человѣка — была по закону дѣломъ недозволеннымъ. Вотъ почему это одно изъ священныхъ правъ человѣка, являемъ въ старыхъ нашихъ судахъ до 1865 г. въ видѣ контрабанды (если можно такъ выразиться), практиковалось въ самомъ извращенномъ видѣ: эта защита не была защитою во имя закона и основанная на законѣ, а сдѣлка ходатая съ слѣдователемъ, съ канцеляріею суда, и съ самыми судящими.

Въ новомъ судопроизводствѣ защита объявлена не только дѣломъ дозволеннымъ, но и необходимымъ. Чтобы болѣе обеспечить для подсудимыхъ право защиты, законодатель учредилъ особую корпорацію адвокатовъ подъ именемъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые въ числѣ другихъ обязанностей несутъ и обязанность защищиковъ подсудимыхъ.

Для того, чтобы адвокаты въ состояніи были явиться полезными и энергическими защитниками подсудимыхъ, необходима соответствующая цѣли судебной защиты организація сего сословія.

Въ Англіи и Франціи адвокатура составляетъ юркое организованную корпорацію, пользующуюся самоуправлениемъ. Это учрежденіе въ обѣихъ этихъ странахъ обязано самоуправлению какъ своимъ происхожденіемъ, такъ развитіемъ и усовершенствованіемъ. Во Франціи, въ началѣ XIX стол. наполеоновскій деспотизмъ стремился изуродовать это учрежденіе подчиненіемъ его подъ начальство прокуратуры и суда. Французская адвокатура, богатая преданіями прошедшаго, въ теченіи 20 лѣтъ не переставала однакожъ бороться противъ несправедливыхъ законовъ, пока въ началѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія не возвращены ей были права самоуправлениія. Учрежденіе это никогда не процвѣтало въ Германії: тамъ въ XVIII в. даже Фридрихъ Великій — одинъ изъ образованѣйшихъ монарховъ своего времени — издавалъ законы, крайне неблагопріятныѣ для развитія адвокатуры. Въ XIX ст. въ многихъ государствахъ Германіи адвокаты были не свободными общинниками государствомъ установленной корпораціи, а должностными лицами, получавшими мѣста по случаю открытия вакансій и вполнѣ

зависимыми отъ суда. Только въ недавнее сравнительно время Германия стала вводить у себя свободную адвокатуру.

Наша адвокатура похожа по своей организаціи на французскую. По образцу сей послѣдней она организуется и управляется сама собою. Принятие въ число присяжныхъ повѣренныхъ, контроль посредствомъ выборного совѣта за согласнымъ съ честію и достоинствомъ званія отправлениемъ обязанностей, дисциплинарные мѣры за нарушеніе этихъ обязанностей — все это дѣло самой корпораціи, которая выражаетъ свою волю посредствомъ выборного ею совѣта. Суду принадлежитъ только разсмотрѣніе и рѣшеніе жалобъ па постановленія совѣта на общемъ основаніи.

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ устройства адвокатуры есть вопросъ о вознагражденіи за трудъ. Конечно, вопросъ этотъ самъ по себѣ имѣеть болѣе значенія въ гражданскомъ, чѣмъ въ уголовномъ процессѣ. Но косвенно тотъ или другой способъ рѣшенія его не можетъ остаться безъ влїянія на отправлениѳ и уголовного суда. Адвокатская профессія по своей природѣ есть свободная дѣятельность, поэтому размѣръ вознагражденія есть дѣло взаимнаго согласія адвоката съ своимъ клиентомъ. Всякая регламентація вознагражденія не совмѣстна съ свободнымъ развитіемъ дѣятельности адвокатской корпораціи. Поэтому стоитъ только установить таксу на трудъ, чтобы исказить это учрежденіе и низвестъ его на степень ремесла. Дѣйствительно, введеніе таксы было однимъ изъ способовъ, которыми правительства изъ предубѣжденія пользовались для того, чтобы положить преграду нормальному развитію сего учрежденія. Нашъ законодатель опредѣленіе вознагражденія предоставилъ взаимному согласію тяжущагося съ повѣреннымъ. Такса же издана на тотъ случай, если договора о вознагражденіи не было и если возникаетъ разногласіе.

Нельзя однакожъ не указать на одинъ недостатокъ организаціи нашей адвокатуры: я разумѣю длинный искусть, установленный для полученія права практиковать въ качествѣ самостоятельнаго присяжнаго повѣреннаго. Въ Англіи и Франціи, где адвокатура существуетъ многія столѣтія и где нѣтъ повидимому нужды облегчать поступление въ это сословіе, установленъ двухгодичный искусть. Поэтому пятилѣтній искусть есть ошибка въ примѣненіи къ Россіи, где элементы, для образования адвокатскаго сословія, крайне слабы. Результаты этой ошибки мы видимъ: кромѣ Петербурга и отчасти Москвы, сословіе присяжныхъ довѣренныхъ въ другихъ городахъ не сложилось. И вотъ новые суды

остаются въ значительной степени при старыхъ ходатаяхъ, то - есть при тѣхъ дѣятеляхъ, которые въ состояніи задерживать развитіе новыхъ началь права и даже вносить въ нихъ порчу.

VIII.

Перехожу къ указанію главнѣйшихъ пунктовъ улучшенія формы уголовнаго судопроизводства.

Старое уголовное судопроизводство страдало множествомъ инстанцій, число которыхъ поставлено было въ зависимость отъ сословія подсудимаго. Въ новомъ судопроизводствѣ число инстанцій сокращено и уничтожена сословность инстанцій.

Количество инстанцій уголовнаго суда въ Россіи возрастило вмѣстѣ съ образованіемъ и развитіемъ государства. Первоначально, при существованіи простоты частныхъ и общественныхъ отношеній, уголовный судъ производимъ былъ въ одной и единственной инстанціи: это былъ или непосредственно судъ самого князя и его слуги тіуна, или судъ княжескихъ намѣстниковъ и волостелей съ ихъ тіунами. Въ это время высшая гарантія въ дѣлѣ инстанцій заключалась въ томъ, что иѣкоторые лица, для большаго охраненія своихъ интересовъ, получали право быть судимыми только княземъ. Когда сложилось большоѣ московскіе государства, общественные отношенія и интересы осложнились; это осложненіе обнаружилось и въ формахъ производства уголовнаго суда. Прежнія княжества сдѣлались провинціями; Москва получила значеніе центра, въ которомъ явились центральные учрежденія въ видѣ приказовъ. Эти - то приказы и составили вторую и высшую инстанцію уголовнаго суда: главнымъ центральнымъ судомъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ былъ Розбойный Приказъ. Въ началѣ XVIII в., съ учрежденіемъ сената, коллегій и губернаторовъ, число инстанцій увеличилось до трехъ. Екатерина II въ своемъ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г. установила правильную и симметрическую лестницу инстанцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ она умножила число инстанцій до четырехъ. По учрежденію о губерніяхъ инстанціи слѣдующимъ образомъ были расположены: первую инстанцію составляли: нижне-земскій судъ, уѣздный судъ, городовой магистратъ или ратуша, и нижняя расправа; вторую инстанцію: верхне-земскій судъ, губернскій магистратъ, и верхняя расправа; третью инстанцію: уголовная и гражданская палата; четвертую

тую инстанцію — сенатъ. Императоръ Павелъ уничтожилъ судебныя мѣста второй инстанціи. Это число инстанцій оставалось до преобразованія,

Три инстанціи свода законовъ не даютъ, однакожъ, полнаго понятія о числѣ переходовъ дѣла изъ одного учрежденія въ другое. Уголовное дѣло, прошедшее три инстанціи, не оканчивалось; оно изъ тѣхъ инстанцій — департамента сената — нерѣдко переходило въ общее собраніе сената, которое, если не по закону, то въ дѣйствительности, составляло какъ-бы четвертую инстанцію. За тѣмъ при некоторыхъ условіяхъ, оно иногда и здѣсь не оканчивалось, а переходило въ государственный совѣтъ, гдѣ оно подлежало новому разсмотрѣнію и решенію. Кроме того, решеніе по уголовнымъ дѣламъ подлежало пересмотру, пропуску и утвержденію лицъ прокурорскаго надзора, а также утвержденію разныхъ лицъ и мѣстъ несудебного вѣдомства. Такое число инстанцій никакъ инымъ нельзя объяснить, какъ только недовѣріемъ законодателя къ личному составу судебныхъ мѣстъ низшихъ инстанцій; большимъ числомъ инстанцій законодатель надѣялся сдѣлать не столь чувствительными недостатки юстиціи низшихъ инстанцій. Но если многочисленность инстанцій дѣйствительно приносila пользу въ этомъ отношеніи, то съ другой стороны она же была одною изъ главнейшихъ причинъ той непомѣрной продолжительности уголовныхъ дѣлъ, которая нынѣ составляетъ предметъ изумленія.

Другой недостатокъ старыхъ законовъ обѣ инстанціяхъ состоялъ въ томъ, что, при одинаковости гарантій, для дѣлъ менѣе важныхъ установлено было больше инстанцій, чѣмъ для дѣлъ болѣе важныхъ, и что обвиняемые изъ привилегированныхъ сословій были ограждены большимъ числомъ, чѣмъ обвиняемые изъ сословій неизбѣжныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Для мышанина и крестьянина, обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи, решеніе уголовной палаты было окончательнымъ, тогда какъ дворянинъ могъ быть приговоренъ къ наказанію за ту же преступленія не иначе, какъ по решенію сената. Лица, неизбѣжные отъ тѣлесныхъ наказаній, обвиняемыя въ маловажныхъ и въ менѣе важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, могли приносить жалобу во вторую инстанцію на решеніе первой, въ сенатъ на решеніе второй инстанціи, и даже на решеніе сената жалобу Государю Императору. А между тѣмъ, этимъ лицамъ, въ случаѣ присужденія ихъ къ тяжкому уголовному или исправительному наказанію, дозволялось приносить жалобу только по приведеніи надъ пими приговора въ ис-

полненіе, то-есть присужденный къ ссылкѣ на поселеніе или въ каторжную работу, съ наказаніемъ плетьми, могъ приносить жалобу только послѣ наказанія плетьми и прибытия на мѣсто ссылки или каторги.

Эта - то многочисленность и сословность инстанцій и была уничтожена судебнымъ преобразованіемъ. По уставамъ 1864 г. для дѣлъ болѣе важныхъ, судимыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, существуетъ одна инстанція — окружной судъ. Для дѣлъ менѣе важныхъ и маловажныхъ установлены двѣ инстанціи: для менѣе важныхъ окружной судъ и судебная палата, для маловажныхъ мировой судья и съѣздъ мировыхъ судей. Для самыхъ же мелкихъ, одна инстанція — мировой судья. Кроме того, подъ именемъ кассационныхъ департаментовъ сената учрежденъ кассационный судъ, назначение котораго состоитъ въ отмѣнѣ решений, заключающихъ въ себѣ прямое нарушеніе закона, или существенныхъ формъ судопроизводства.

Такое сокращеніе инстанцій въ связи съ упрощеніемъ формъ судопроизводства и преимущественно съ введеніемъ устности должно было ускорить и действитель но ускорило производство уголовныхъ дѣлъ. Правда, нельзя сказать, чтобы въ новыхъ судахъ уголовныя дѣла двигались особенно скоро; правда, и новое судопроизводство удерживаетъ подсудимыхъ въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда, часто годъ, иногда полтора, а случается и два. Но если вспомнить, что по старому судопроизводству дѣла даже о мятыхъ преступленіяхъ и проступкахъ раньше двухъ, трехъ и четырехъ лѣтъ не оканчивались, что множество подсудимыхъ сидѣло въ предварительномъ заключеніи по пяти лѣтъ, а пные 10 лѣтъ и болѣе, что и въ настоящее время въ херсонскомъ острогѣ сидитъ болѣе 20 лѣтъ (въто Филипповъ *), судимый, но еще не осужденный старыми судами, — если все это взять во вниманіе и сравнить съ теченіемъ дѣлъ въ новыхъ судахъ: — то нельзя не признать, что судебному преобразованію Россія обязана значительнымъ ускореніемъ производства уголовныхъ дѣлъ,

IX.

Судебнымъ преобразованіемъ кореннымъ образомъ измѣнены формы уголовнаго судопроизводства въ духѣ обезреченія правосудія и въ духѣ справедливаго смягченія участія подсудимаго.

*) Филипповъ недавно выпущенъ на свободу.

Въ старомъ судопроизводствѣ двѣ части уголовнаго суда: уголовное слѣдствіе и уголовный судъ въ собственномъ смыслѣ, или разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла, — существенно отличались одна отъ другой. Положеніе подсудимаго на судѣ было сносное, съ нимъ обращались довольно человѣколюбиво, его не истязали грозными допросами. Нельзя сказать, чтобы карательный приговоръ въ старыхъ судахъ часто падалъ на невинныхъ людей; напротивъ, при существованіи формальной теоріи доказательствъ, чаще истинно виновные избѣгали заслуженнаго ими наказанія. Но за то уголовное слѣдствіе принадлежало къ тому разряду производствъ, которое ставило подсудимаго въ полубеззащитное положеніе и по практиковавшимся приемамъ было для него горьше осужденія и наказанія.

Это происходило главнымъ образомъ отъ того, что, не смотря на отмѣну въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. пытки, не смотря на строгое запрещеніе чинить обвиняемымъ пристрастные допросы, истязанія и жестокости; не смотря на существование въ уголовномъ судопроизводствѣ гуманнѣйшаго изъ правилъ: лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго; не смотря на все это — старое уголовное слѣдствіе въ сущности было однороднаго характера съ слѣдствіемъ XVIII в., когда пытка составляла одно изъ молющественныхъ орудій уголовнаго судопроизводства. Старое слѣдствіе главнымъ образомъ основано было на подозрѣніи, какъ-бы послѣднее не основательно ни было; главныя правила его выработаны были въ тѣ времена, когда государство заботилось объ укрѣплении своихъ интересовъ, для которыхъ оно приносило въ жертву справедливые интересы отдельного лица. Старое слѣдствіе производилось людьми мало свѣдущими или даже невѣжественными, плохо отъ казны вознаграждаемыми, заваленными множествомъ разнородныхъ дѣлъ, наследовавшими привычки слѣдователей временъ пытокъ, людьми находившимися подъ слабымъ контролемъ, проникнутыми сословными предразсудками, и потому не имѣвшими никакого уваженія къ правамъ подсудимаго, какъ человѣка. Старое слѣдствіе вахватывало, кроме дѣйствительно виновныхъ, огромную массу прикосновенныхъ къ дѣлу или казавшихся прикосновенными, людей часто совершенно невинныхъ. Старое слѣдствіе направлено было къ тому, чтобы добить собственное признаніе подсудимаго, для достижения чего слѣдователи иногда вопреки закону, употребляли жестокости и истязанія, а чаще всего подымались на

всакія хитрости и уловки. Старое слѣдствіе съ величайшею неразборчивостію любило прибѣгать къ самому тяжкому изъ мѣръ предупрежденія—тюремному заключенію, которое, по своей непомѣрной продолжительности, было незаслуженно тягостно для подсудимаго: тюрьмы наши были переполнены или такими подсудимыми, которые по суду признаваемы были невинными, или такими, которые несли по суду наказаніе несравненно болѣе слабое, чѣмъ тюремное заключеніе, вынесенное ими во время слѣдствія и суда. При инквизиторскихъ премахъ слѣдователей, при совершенной безгласности и таинственности производства, положеніе подсудимаго было безпомощное. Впрочемъ безпомощность подсудимаго при слѣдствіи была пропорціональна его положенію въ обществѣ и его состоятельности; для бѣднаго человѣка, для подсудимаго изъ низшихъ сословій, строгость премовъ слѣдствія далеко оставляла за собою строгость закона; для подсудимаго богатаго и привилегированаго человѣка эта строгость уменьшаема была до снисходительности, недозволенной закономъ. Недостатки стараго уголовнаго слѣдствія ярче всего отражались на бѣдномъ классѣ. Правда, и въ старомъ слѣдствіи были свои защитники подсудимыхъ, въ лицѣ сословныхъ депутатовъ и въ лицѣ представителей прокурорской власти. Но тѣ и другіе были только по мысли законодателя, а не на самомъ дѣлѣ, защитниками. Тѣ сословія, которыхъ не могли создать честныхъ и свѣдущихъ судей, конечно не могли родить и дѣльныхъ, сознающихъ свои права и обязанности, депутатовъ: сословные депутаты исполняли свои обязанности машинально, нехотя, большую частію лишь-бы сбыть съ руکъ дѣло. Представители же прокурорской власти—низшихъ степеней, по своему типу ничѣмъ не отличались отъ самыхъ слѣдователей, представители высшихъ степеней не въ состояніи были, отчасти по обширности круга своихъ обязанностей, отчасти по отдаленности своего мѣсто-пребыванія, во время подоспѣть на помощь страдавшему напрасно подсудимому.

Съ преобразованіемъ, характеръ уголовнаго слѣдствія измѣняется. Начало этому измѣненію впервые положено было учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей. Уже одно то, что съ введеніемъ этого учрежденія, уголовное слѣдствіе изъято изъ рукъ полиціи, что для производства его установлены отдельныя лица, исключительно назначенныя для сего дѣла, должно было, помимо зоди лицъ, произвестъ существенныя улучшенія въ производствѣ уголовнаго слѣдствія. Въ институтѣ

судебныхъ слѣдователей шестидесятыхъ годовъ мерцаетъ лучъ просвѣщенія и специальныхъ знаній. Съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, предварительное слѣдствіе дѣлается производствомъ подчиненнымъ главнымъ образомъ уѣздню уголовнаго суда; съ эгихъ же поръ и самые производители слѣдствія становятся въ зависимость болѣе отъ суда, чѣмъ отъ администраціи. Но учрежденіе судебныхъ слѣдователей было только началомъ улучшенія способовъ производства предварительного слѣдствія. Помимо нѣсколькихъ личностей, успѣвшихъ сдѣлаться известными по своей почтѣнной дѣятельности, судебные слѣдователи старыхъ судовъ — это новое вино съ значительною примѣсью стараго и притомъ влитое въ мѣхи старые. Правда, вслѣдствіе совершившагося въ обществѣ смягченія нравовъ, они вообще говоря чужды инквизиторскихъ приемовъ старыхъ слѣдователей, которыхъ поставляла полиція: но нѣкоторые пороки въ большей или меньшей степени перешли отъ сей послѣдней и къ нимъ, что не трудно замѣтить при нѣкоторой наблюдательности.

Болѣе существенныи въ уголовномъ слѣдствіи произведены новыми судебными уставами. Правда, предварительное слѣдствіе и послѣ преобразованія, къ сожалѣнію, осталось закрытымъ производствомъ, — чѣмъ устранинъ непосредственный контроль общества; правда, во время предварительного слѣдствія подсудимый не пользуется прямымъ содѣйствиемъ защитника, чѣмъ конечно не устранено косвенное и не гласное ходатайство, которое потому что не гласное, и потому что не разрѣшенное прямо закономъ, не можетъ пользоваться безупречною рѣпутациею. Но помимо этихъ недостатковъ, въ самомъ предварительномъ слѣдствіи сдѣланы капитальная самостоятельная улучшенія, и кромѣ того оно косвенно улучшено тѣмъ, что поставлено въ тѣсную связь съ судебнымъ слѣдствіемъ, то-есть съ той частію производства суда, для которой приняты всѣ существенныи гарантіи правосудія — устность, публичность, состязательность и судъ присяжныхъ: вслѣдствіе этого, достоинства судебнаго слѣдствія не могутъ не оказывать влиянія на предварительное слѣдствіе, парализируя нѣкоторымъ образомъ недостатки сего послѣдняго.

Новое предварительное слѣдствіе вручено многочисленному персоналу судебныхъ чиновниковъ, которые зависятъ отъ суда и пользуются гарантіями усвоенными званію судьи: дѣйствія ихъ контролируются и направляются къ законной цѣли судомъ. Для стараго слѣдователя не

требовалось ни специального, ни даже общего образования; отъ новыхъ следователей требуются тѣ же качества, какія должны имѣть вообще судьи. Вручение производства предварительного слѣдствія лицамъ, приготовленнымъ къ этому дѣлу, въ связи съ улучшеніемъ формъ его производства, должно было существенно измѣнить положеніе самого подсудимаго. Для истинно невиннаго теперь рискъ попасть подъ слѣдствіе въ огромной пропорціи уменьшился.

Предварительное слѣдствіе производится теперь несравненно скрѣе, чѣмъ въ недавнее время, отчасти потому, что дѣломъ этимъ заняты лица исключительно для него назначенные, отчасти потому, что множество маловажныхъ дѣлъ отошло къ подсудности мировыхъ судей, отчасти наконецъ потому, что посредствомъ предварительного слѣдствій устава 1864 г. добывается меньшій материаль; чѣмъ это требовалось отъ предварительного слѣдствія старого порядка: по своду законовъ предварительное слѣдствіе должно было изыскать весь материалъ для решения дѣла; тогда какъ по новому порядку материалъ для этой цѣли добывается сколько предварительнымъ, столько же и судебнѣмъ слѣдствиемъ. При дѣйствіи нового судопроизводства не мыслимы стали въ такой степени, какъ прежде, необдуманные и продолжительные аресты старого слѣдствія. Законы нового порядка о мѣрахъ пресеченій мягче, опредѣленіе и справедливѣе старыхъ; продолжительность личнаго задержанія и вообще стѣсненія свободы подсудимаго значительно сократилась вслѣдствіе ускоренія производства слѣдствіи и суда; такъ какъ принятие мѣръ находится въ рукахъ людей специально приготовленныхъ и специально занятыхъ производствомъ слѣдствій, то въ эту часть производства вносится некоторая осторожность и известная соразмѣрность.

При старомъ порядке, подсудимый, во время производства слѣдствія, оставался въ полномъ невѣдѣніи не только относительно частностей надавшаго на него обвиненія, но иногда и относительно самой сути обвиненія: отъ него скрывали собраныя свѣдѣнія, лишая его возможности во время указать на обстоятельства, опровергающія обвиненіе. Если же ему дѣжалось позѣстнымъ то, что добыто было слѣдствiemъ, то этого огь достигалъ въ видѣ купленнаго синхроненія. Словомъ, тайна направлена была противъ оправданія, не принося пользы обвиненію. Новое предварительное слѣдствіе производится хотя не

публично; но во всякомъ случаѣ добытый матеріалъ не остается тайной для обвиняемаго; въ его присутствіи можетъ быть производимъ допросъ свидѣтелей; если же это невозможно, то во всякомъ случаѣ ему прочитываются показанія противъ него данныя, съ каждого протокола онъ имѣть право требовать копіи, которая выдается ему даромъ; наконецъ по окончаніи слѣдствія онъ можетъ пересматривать всѣ документы, относящіеся до предварительного слѣдствія, и требовать сображенія доказательствъ по его указанію.

Вслѣдствіе того, что старое предварительное слѣдствіе производилось при полной таинственности, вслѣдствіе того, что оно не подвергалось повѣркѣ на судѣ, оно могло заключать въ себѣ самые лживые матеріалы, полнѣйшее искаженіе истины. Старые слѣдователи, поощряемые отчасти таинственностью, отчасти невозможностью разоблачить ихъ дѣйствія, отчасти наконецъ безотвѣтственностью и беспомощностью подсудимыхъ изъ низшаго званія, искажали показанія, сочиняли допросы и даже цѣлымъ слѣдствіемъ. При новомъ предварительномъ слѣдствіи подобная дѣйствія сдѣлялись не мыслимы, или по большей мѣрѣ самыми рѣдкими исключениемъ и притомъ, такимъ, которое всегда выводится наружу на судебнѣмъ слѣдствіи. Въ новомъ предварительномъ слѣдствіи сдѣлялись также невозможны инквизиторскіе приемы стараго слѣдствія. Причина сего заключается; въ, дѣломъ характерѣ перемѣнъ, въ особенности же въ отнятіи силы и значенія у собственнаго признанія подсудимаго; въ томъ,, что, хотя предварительное слѣдствіе производится тайно, но приемы его производства и его результаты выходятъ наружу при публичномъ производствѣ; наконецъ въ самомъ характерѣ лицъ его производящихъ. Если, при дѣйствіи новыхъ судовъ, и выходили наружу случаи употребленія недозволительныхъ и неблаговидныхъ способовъ открытия преступленія, какъ-то: угрозы, обольщенія, ухищренія, всѣ они были дѣломъ полиціи, а не судебныхъ слѣдователей, состоявшихъ при новыхъ судахъ.

Что касается судебнаго слѣдствія, то-есть той части производства, которая ведется въ судѣ, въ присутствіи публики, то въ этой части примѣнены всѣ тѣ гарантіи суда праваго, какія выработаны старѣвшими народами Европы. Эта часть построена на чисто обвинительному и состязательномъ началахъ, которые даютъ подсудимому всю возможность знать мельчайшія подробности взведеннаго противъ него обви-

ненія и оспаривать каждое изъ нихъ. Подсудимому дано право представлять въ свое оправданіе доказательства, въ томъ числѣ своихъ свидѣтелей. Государство, взявшее на себя преслѣдованіе преступленій, имѣть для достиженія этой цѣли въ своемъ распоряженіи дѣлое учрежденіе, составленное изъ людей свѣдущихъ и опытныхъ, которые въ качествѣ государственныхъ дѣятелей специально предназначены для обвиненія въ состояніи отстаивать его съ знаніемъ и энергию. Бороться съ ними подсудимому не подѣ силу. Чтобы уравновѣсить обѣ стороны, законъ представляетъ подсудимому имѣть защитника, который назначается предсѣдателемъ суда, если подсудимый самъ себѣ не отыщетъ. Наконецъ, подсудимый стойть предъ лицомъ присяжныхъ, этихъ представителей совѣсти народной, со стороны которыхъ онъ можетъ ожидать снисхожденія, и уже ни въ какомъ случаѣ не строгости, имѣ не заслуженной.

Но самое могущественное средство улучшения уголовного правосудія, усвоенное судебною реформою — это публичность и гласность судебнаго слѣдствія. Отсутствіе публичности въ состояніи подорвать силу и Энергию самыхъ лучшихъ началь уголовного правосудія; и наоборотъ, публичность въ силахъ ослабить существенные недостатки судоустройства и уголовного судопроизводства; она хранить въ себѣ источникъ непрерывнаго цензуренія недостатковъ и постояннаго въ будущемъ улучшения уголовного суда.

Введеніе публичности есть возобновленіе стародавняго обычая нашихъ предковъ. Въ княжескій періодъ правосудіе отправлялось также всенародно, на княжескомъ дворѣ, на торговой или церковной площасти или на полѣ. Судебный поединокъ, который технически назывался *полемъ*, и который бытъ одною изъ существенныхъ и самыхъ употребительныхъ формъ стараго суда, совершался въ присутствіи народа. Судъ надъ убитой головой, судъ на спорной землѣ, въ присутствіи старожильцовъ жителей окружныхъ деревень, и въ присутствіи судныхъ мужей, лучшихъ членовъ общины, — обыкновенная форма уголовного суда въ XV, XVI и даже въ царствіи XVII столѣтія. Въ это время образовался особый классъ практическихъ юристовъ, известныхъ подъ именемъ площадныхъ подъячихъ, самое название которыхъ указываетъ да публичность ихъ дѣятельности. По мѣрѣ развиція приказнаго начала, по мѣрѣ уничтоженія самоуправленія народнаго вообще и участія народа въ отцівленіи правосудія, по мѣрѣ перенесе-

нія дѣятельности суда пѣтъ двора княжескаго, церковной паперти, рынка и площади въ закрытыя помѣщенія, примѣненіе гласности мало-по-малу сокращалось, пока наконецъ не вышло изъ употребленія, и канцелярская тайна не заступила ея мѣсто. Съ тѣхъ поръ, не говоря уже объ обществѣ, самъ подсудимый лишенъ былъ въ большинствѣ случаевъ возможности знать положеніе своего дѣла. Что совершилось въ мракѣ канцелярской тайны, общество судило о семъ только по результатамъ. Но и результатовъ этихъ оно не имѣло ни права, ни возможности гласно оцѣнивать.

Сила и объемъ той публичности, которая служить источникомъ непрерывнаго улучшенія уголовнаго правосудія, лежитъ, однакожъ, не въ буквѣ только закона, а въ живомъ, дѣятельномъ и понимающемъ общественные интересы обществѣ. Одно присутствіе публики въ судѣ — это только зерно публичности. Нужно, чтобы эта публика сознательно относилась къ дѣлу правосудія, чтобы она, цѣнѧ величія начала дѣйствующаго судоустройства и судопроизводства, умѣла безбоязненно указывать также и недостатки онъхъ, а главное не молчать въ томъ случаѣ; когда она видѣтъ не надлежащее примѣненіе на практикѣ этихъ началъ, стремлѣніе исказить законъ, съузить планъ начертаній законодателемъ для будущаго развитія правосудія. Жалко, то общество, которое, сопно относясь къ общественнымъ явленіямъ, думаетъ устроить у себя правосудіе только посредствомъ правительственныхъ органовъ. Какъ-бы ни были совершенны эти органы, они не въ состояніи всего сдѣлать. Имъ принадлежитъ задача дѣйствовать на почвѣ строгаго и всегда формальнаго закона. Животворящій же духъ, крѣпость убѣденій, сила неподкупнаго характера, создаются обществомъ: оно-то должно поставить судебныхъ дѣятелей съ подобными качествами, должно поддерживать силу своего мнѣнія, выражаемаго въ печатномъ словѣ, дѣятелей добросовѣстныхъ и заклеймить именемъ недоброжелателей общественной пользы тѣхъ, которые обнаруживаютъ стремленіе къ возвороту къ неправосудію.

Введеніе преобразованнаго суда есть половина дѣла: это работа главнымъ образомъ законодателя. Возворотъ преобразованнаго суда со всеми его хорошими послѣдствіями, переведеніе въ дѣйствительность того, что начертано въ законѣ, словомъ претвореніе въ жизнь народную — это вторая половина дѣла: и это работа главнымъ образомъ общества. Процвѣтаніе правосудія или упадокъ его есть продуктъ дѣятельности самого народа.